

Дорога цариц

Автор:

Александр Прозоров

Дорога цариц

Александр Дмитриевич Прозоров

Ожившие предания

Ирина и Борис Годуновы рано остались сиротами, и неизвестно, что ждало бы их впереди, если б они не сбежали из дома к своему дяде, служащему постельничим при Царском дворе. Здесь маленькая Ирина познакомилась со своим ровесником Федором, с которым сразу сдружилась. Борису же довелось встретиться с дочерью Малюты Скуратова, красавицей Марией... Но не все складывается так, как хотелось бы молодым. Иван Грозный настрого запретил своему младшему сыну Федору жениться на худородной девке, а чувства Бориса и Марии должны пройти испытание сроком в три года... Так во что же выльется дружба детей и к чему приведет клятва юности?..

Александр Прозоров

Дорога цариц

© Прозоров А., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Часть первая. Сироты

11 мая 1564 года

Дорогобужский уезд близ Вязьмы

В темной и тесной церкви густо пахло гнилью и прогорклым жиром от множества чадающих перед иконами хвощовых свечей и медных лампад. Этот застарелый дух не могли разогнать ни ароматы благовоний в ладанке старого попа, ни сквозняк, веющий от покосившейся двери к открытым окнам, ни влажная затхлость, что сочилась через трещины черного от времени тесового пола. Сурово смотрели святые с образов на стенах и скромного резного иконостаса, потрескивали фитили и стебли, заунывно бормотал отпевающий покойника худенький седобородый священник.

В белом сосновом гробу лежал не старый еще боярин с длинным глубоким шрамом через лицо, проходящим через левую глазницу, и окладистой русой бородкой с двумя тонкими косичками, заплетенными по правой стороне. Почти до самого подбородка покойника укрывало белое домотканое полотно, поверх которого лежали только руки, а на голове глубоко сидела шапка из темного горностая. В сложенных на груди ладонях горела тонкая восковая свеча. И это была единственная роскошь, каковую могли позволить себе родственники, провожающие мужчину в последний путь.

Возле катафалка стояло всего несколько человек. Крупнотелый русобородый прихожанин в рысьей шубе, в темных суконных шароварах и бурых яловых сапогах. Добротный широкий ремень – тисненый, с медной пряжкой, замшевой поясной сумкой и тремя ножнами, украшенными костяными накладками, и вытертым пятном от надеваемой в походы сабли – выдавал в нем служивого человека, «боярского сына». К боярину приткнулась женщина лет тридцати в высоком кокошнике, поверх которого лежал большой черный платок, краями ниспадающий на крытую тонким синим сукном лисью шубу, – вестимо, жена. Чуть дальше стояла утонувшая в больших, явно не по росту, одеждах старушка, которая постоянно плакала, время от времени прикрывая лицо вышитым платком. По возрасту – явно матушка.

По другую сторону от гроба замерли с сухими глазами двое детей: к мальчишке лет десяти на вид испуганно жалась шестилетняя малышка. Оба сероглазые, с тонкими чертами лица, кудрявые и светло-русые. Сразу видно – брат с сестрой. Их можно было бы принять за крестьян: одежда из серого домотканого полотна, даже без вышивки, простенькие поршни на ногах; мальчик опоясан сыромятным ремнем с двумя ножами и замшевой сумкой, девочка – и вовсе сплетенным из матерчатых лент кушаком.

Дети вели себя тихо и во время отпевания, и по пути на кладбище, и возле могилы – до тех пор, пока земля не ударилась о крышку опущенного в могилу гроба. И лишь тогда девочка вдруг расплакалась, крепко вцепившись в кафтан мальчика, и тихонько спросила:

– Папа умер, да? Боря, папы больше нет? Боря, он больше не вернется?

– Ему сейчас хорошо, Иришка, – обнял ее мальчик и прижал к себе. – Он сейчас в раю, он в Золотом мире на дружеском пиру с нашими предками.

– А нам? А как же мы? Боря, куда мы теперь?

– Знамо, у меня теперича жить станете, – расслышал ее слова боярин. – Вы же мои племянники!

Однако эти слова девочку ничуть не утешили. Наоборот, она разревелась только сильнее, в голос, уткнувшись лицом в полу кафтана и высоко вскидывая плечи.

Ирина успокоилась только поздней ночью, на полатях отцовской избы, когда заснула в объятиях своего брата. Поэтому утром малышку не будили почти до полудня, и, когда девочка спустилась вниз, дом уже опустел. Все сундуки, корзины, припасы, лавки и прочие вещи холопы к сему времени успели загрузить на телеги и накрепко увязать. Хотя о девочке, понятно, родичи не забыли и оставили для нее крынку киселя и расстегай с рыбой.

Когда ласковое весеннее солнце перевалило зенит, обоз из четырех возков тронулся в путь по влажной чавкающей дороге, петляющей между черными полями с редкими проплешинами серого крупенистого снега, все еще не сдавшегося побеждающему теплу. Всего несколько верст, три часа пути – и обоз въехал в Годуново, свернув к воротам старой боярской усадьбы, ныне по праву

старшинства принадлежащей боярскому сыну Василию Ивановичу.

Несмотря на громкое название, усадьба мало отличалась от зажиточных крестьянских дворов, стоящих неподалеку. Такая же размерами изба, такой же бревенчатый тын, такой же овин и сметанный у забора стог сена. Разве только амбаров у хозяев поместья было два, а не один, да хлев и конюшня размерами зело поболее. Оно и понятно – боярину ведь надобно в поход ходить, причем каждому из воинов – одвуконь. Да еще возок с припасами с собою забирать. Притом еще и хозяйство без лошадей не оставишь. Так что лошадей государеву воину требовалось куда как более, нежели обычному землепашцу.

Разумеется, так было не всегда. Всего лишь век назад знаменитый боярин Иван Годун, получивший в свое владение два десятка деревень, жил богато и роскошно. Однако родилось у боярина Годуна три сына, и унаследовал каждый от батюшки всего лишь по шесть деревень. И у боярина Григория Ивановича тоже появилось трое сыновей. И унаследовал каждый уже по две деревни. И у боярина Ивана Григорьевича тоже случилось три сына... И тут уже по всем статьям стало получаться, что и делить-то нечего, ибо с двухсот десятин на государеву службу надобно выставлять четырех воинов. Коли боярского сына с холопом считать – то на троих помещиков надел уже не резался. И тут уж – али в черный люд, в крестьяне уходи, али еще чего придумывай...

Братьям повезло – отцовское наследство получилось разделить пополам. Однако же доходов у каждого теперь выходило только-только концы с концами увязать, и жили они как бы ничуть не лучше своих крепостных крестьян. Разве только чести выходило больше: все же служилый люд! Но вот еда на столе, изба да одежда уже давным-давно от крестьянской не отличались.

Впрочем, теперь, после смерти Федора Ивановича у боярина Василия Ивановича появлялась отдушина. Вдвое больше земли, вдвое больше дохода. Во всяком случае – пока племянник не подрастет и в Разрядном приказе в новики от отцовской земли сам не запишется.

– Эй, Борька! – поманил спрыгнувшего с телеги мальчишку боярский сын Василий Иванович. – Ты покамест лошадей выпряги да напои. Опосля Хмыряга их в конюшню отведет. Там, глядишь, и ужинать пора придет.

– Да, дядюшка... – кивнул сирота и направился к первому возку.

В самом поручении младшему потомку из рода Годуновых не было ничего обидного. Ведь вся дворня боярского сына Василия Годунова состояла из двух холопов да трех девок. И коли самим не работать – ничего в делах хозяйских не сдвинется. Посему и сам Василий Иванович тоже принялся таскать вместе со слугами вещи в дом али в амбары, и его супруга за узлы взялась, и даже престарелая матушка чем могла подсобить старалась.

Однако само осознание того, что отныне Борис не у себя дома оказался, а при чужом дворе в приживалках, что не увидит больше батюшки, и мамина могила за много верст ныне осталась, что понукать теперь им совсем чужой человек станет, вытолкнула у мальчишки из глубины души тугой горький ком, застрявший в горле, мешающий говорить и даже мыслить. С этим комом поперек глотки мальчик выпряг по очереди всех лошадей, понуро вычистил соломой их шкуры, вытянул из колодца и налил в корыто воды. Затем помог холопам разобрать уже опустевшие телеги: колеса отдельно, сами короба отдельно – дабы места во дворе меньше занимали. Затем вместе со слугами помыл руки у подвешенного ведра и вошел в избу, где девки уже выставляли на стол нарезанный крупными ломтями хлеб, горшки с горячей кашей из сечки с салом, миски с квашеной капустой и солеными огурцами.

Горшков оказалось два – один во главе стола для боярина и холопов, его верных слуг и воинов, а второй – внизу, на ближнем к дверям краю, для женщин и детей. И хотя Борис при своих одиннадцати годах даже в отцовском доме считался за ребенка, однако оказаться среди баб ему все равно стало невероятно обидно.

После ужина, никого не спросясь, мальчишка забрался на полати, уполз к дальней стене, прижался к бревнам, лег на живот, подсунул под голову шапку и затих, больно прикусив губу.

Сказать, что на душе у него было тоскливо – значило ничего не сказать. Всего через три года после матери потерять отца, а вместе с тем – родной дом, привычную жизнь, мечты и надежды... Почитай – ничего не осталось. Вообще ничего, кроме рук, да ног, да головы! Боря стал никому не нужен. Никто его больше не любил, не желал ему счастья. Никто теперь не пожалеет, не поможет, угощением вкусным не поделится, никто ничего просто так никогда не подарит. Пустота. Впереди осталась только черная бессмысленная пустота. Прямо хоть руки на себя накладывай!

Неожиданно рядом послышался шорох, мальчику в бок уткнулась голова в платке.

– Ты чего тут прячешься, Борь? – прошептала девочка.

– Он меня изведет, Иришка, – неожиданно даже для самого себя ответил паренек. Разумеется, так же тихо. – Как есть изведет! Не надобен я ему, мешаю.

– Ты про дядюшку? – неуверенно переспросила сестра.

– А про кого еще? – скрипнул зубами мальчик. – Броню отцовскую и саблю, вона, сразу прибрал! Сказывает, пусть служивый пока носит, дабы зря не лежала. И дом наш сразу вычистил, посадить кого-то желает, и со старостой за барщину сговорился. Нешто дядя Василий так просто обратно все и отдаст, как подрасту? Да и будет ли чего отдавать? Дом обживут, броня посечется.

– Не может такого статься, – мотнула головой Ирина. – Он же дядя наш! Отцу нашему брат!

– Может, и брат. Ан земляца отцовская ему страсть как нужна! Своей-то, знамо, еле хватает, с каши на воду перебивается. Детям оставить и вовсе нечего.

– У дяди Васи нет детей.

– Он здоровый, еще родит!

– Наговариваешь ты, Боря... – после долгой заминки все же возразила девочка. – Он нас любит. Он отцу нашему беречь нас обещался. Они же братья!

– Ага! – буркнул Борис. – Такие братья, что младшего-то, Дмитрия, выжили!

– Он сам сбежал! Без спросу! – торопливо ответила Ирина. – Предал всех! Вона, бабушка сколько раз ругалась!

– Это они нам нынеча так говорят! – упрямо буркнул мальчишка. – Вот токмо земли-то на него у деда не имелось. Токмо батюшке и дяде Василию, и то еле хватило! Оттого и выжили! И меня дядька за землю мою тоже сживет!

Он вцепился зубами в шапку, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Девочка тоже замолчала, с трудом веря в услышанное.

Со стороны печи послышался шорох, на полати заглянула старая боярыня:

– Иришка, Боря, это вы здесь шушукаетесь?

– Мы, бабушка, – призналась девочка.

Пожилая женщина помолчала, тяжело вздохнула:

– Ох, сиротинушки вы мои бедные... Прогневался, вестимо, господь... Ну, горюйте, горюйте. Поплачьте – легче станет.

От такого пожелания паренек едва не прокусил шапку, из глаз сами собой выкатились две слезы. Он тряхнул головой и зло прошептал:

– Сбегу я, Иришка! Не хочу жизни такой! С дядькой не останусь!

– Куда, Боря? – испуганно прошептала девочка.

– А все равно куда! – решительно выдохнул младший Годунов. – Коли Дмитрий, дядька, сбежал, почему я не смогу? У него, сказывают, все хорошо! При дворе царском жирует! Чем я хуже?!

Что на такое возразить, шестилетняя малышка не нашлась.

Слухи про младшего брата из семьи Годуновых ходили разные. Чаще его ругали – как предавшего свой род, свою семью, бросившего братьев и родителей. Но иногда поминали и то, что при государе Иоанне Васильевиче он видным боярином стал, богатым, при высоком месте. Вот токмо не восхищало сие никого. «Иудиными сребрениками» возвышение Дмитрия старшие Годуновы называли и никому удачливого родича в пример не ставили.

За окном, затянутым промасленным полотном, вскорости стемнело, на полати полезли девки и холопы. Весенняя ночь коротка, уставшим людям хотелось

выспаться. При чужих ушах сироты своего разговора продолжить, понятно, не смогли. Однако маленькая Иришка, прильнув к брату, все же спросила в самое ухо:

– Ты ведь меня не бросишь, да?

На рассвете обитатели усадьбы снова собрались за общим столом. Быстро подкрепились, поделив меж собой печенную накануне репу и мелкую копченую рыбешку: плотву, окуней, подлещиков.

– Я с Косачем ныне на Бежерин луг поеду, – поднялся из-за стола боярский сын Василий Иванович, одетый ради буднего дня в простую холщовую рубаху и такие же бесцветные порты. – Там ныне все уже оттаяло, пахать впору. А ты, Хмыряга, с Борисом к Рыжему россоху отправляйся, там еще два стога нетронутых стоят. Оба сегодня на двор перевезите, ибо сена над хлевом совсем не осталось.

Дворовым девкам хозяин никаких приказов не давал – ими супруга распоряжалась. Да хлопоты хозяйственные и без того все известны: коров доить, свиньям очистки да буряки запаривать, прочей скотине свежий корм задавать, из-под скотины солому загаженную выгребать.

Хмурый паренек выслушал указания дядюшки, ничего не спрашивая и не перечая. Помог одетому в истрепанный кафтан плечистому рыжебородому холопу собрать один из возков, насадив колеса на оси и закрепив их вбитыми в отверстия деревянными штырями, завел в оглобли лошадь, помог надеть на нее и затянуть хомут, сам открыл ворота и махнул выезжающему холопу:

– Ты поезжай, Хмыряга, я опосля нагоню. До ветру отлучиться надобно. Не дотерплю.

– А куда идти, знаешь?

– К россоху, – пожал плечами Борис. – Что я, дедовского поместья не помню?

– Тогда поспешай. – Холоп тряхнул вожжами, и телега бодро выкатилась на утопанную дорогу.

Паренек медленно закрыл створку, оглянулся через плечо. Двор был пуст.

Борис сорвался с места – схватил с поленницы одну из стоящих там корзинок, метнулся к погребу, нырнул в дверь. Быстро выгреб какие-то клубни с правого ящика, сдернул висящие слева темные палки, тут же выскочил обратно на свет, забежал за амбар и оставил корзину там. Потом поднялся на крыльцо и приоткрыл дверь:

– Иришка, ты здесь?! Мы с Хмарой поехали!

– Я слышу, Боря! – выглянула в сени девочка.

– До вечера! – громко повторил паренек, вошел в дом.

Малышка тоже перешагнула порог, сделала шаг навстречу. Брат протянул руку, тихонько провел пальцами ей по щеке – и Ира сразу все поняла, почувствовала. Схватила его за руку.

– Не оставляй меня, Боренька! – торопливо зашептала она. – Не оставляй меня с ними! Миленький, братик мой... Не бросай!

Мальчик колебался лишь пару мгновений. Одними глазами указал на крыльцо за распахнутой дверью, сгреб с бочек старый тулуп, выскочил наружу, шмыгнул за амбар. Осторожно выглянул из-за угла – и его едва не сбила с ног подбежавшая сестренка:

– Ты решился, да?! Куда мы идем?

Борис обнял ее, прижал, посмотрел через голову. Сиротам повезло – во двор все еще никто не вышел.

– За мной! – выдохнул мальчишка, схватил сестру за руку и прямо через грядки кинулся вниз к реке, нырнул в прибрежный ивняк и повернул вниз по течению вдоль русла Сарогоща.

Паренек убегал – и ощущал себя оленем, по следу которого пустили гончих. А потому мчался, мчался, мчался, буквально волоча за собою сестренку. Уже к

полудню они добрались до Вязьмы, повернули вдоль нее на восток...

– Боря, я больше не могу! – взмолилась девочка. – Давай хоть немножко передохнем!

– Нельзя, Иришка! Вдруг за нами гонятся?

– Да откель они догадаются, куда мы побегли?

– Ну-у... – Паренек замедлил шаг, оглянулся назад, прислушиваясь и приглядываясь. – Куда еще через огороды бежать?

Весна еще только вступала в свои права, и полоска прибрежного кустарника не успела покрыться листвой, хорошо просматриваясь насквозь. Однако позади, насколько хватало глаз, не различалось никакого движения, не слышно было ни топота, ни криков.

– Еще немного пройдем, сестренка, тогда и отдохнем, – все же не рискнул сразу останавливаться Боря, однако шаг замедлил.

Уже без большой спешки беглые сироты шли еще с час, пока не уткнулись в накатанную дорогу, полого уходящую прямо в реку.

– Кажется, брод... – Паренек поставил корзинку на землю.

– Боря, мы ведь в него не полезем? – зябко поежилась девочка. – Лед ведь тожко-тожко сошел!

– Литовский тракт на той стороне. – Борис начал расстегивать кафтан. – Иначе нам до Москвы не дойти.

Сбросив одежду, он присел, посадил сестренку на плечо, выпрямился, быстро и решительно вошел в воду, торопливо пересек реку, ссадил девочку на берег, повернул назад, перешел, забрал корзину и одежду, снова перебрался через Вязьму.

– Вай-вай-вай. – Стуча зубами от холода, паренек завернулся в тулуп, подобрал корзинку и вещи, свернул с дороги в растущий слева осинник, углубился на два десятка шагов, присел на ствол упавшего зимой дерева, поставил лукошко между ног. – Давай посмотрим, чего я там впотьмах прихватил?

В ивовой емкости обнаружилось примерно с полпуда отборной репы, каждая с кулак размером, и пять упитанных, как поросята, копченых сазанов.

– Пообедаем?

Щедрой рукой паренек разломал надвое одну из рыбин, половину протянул девочке, спину взял себе. Ира отказываться не стала, быстро набив рот сочной белой мякотью, утробно прочавкала:

– А куда мы идем, Боря?

– В Москву, – пожал плечами паренек.

– А куда в Москве?

– Ну-у... Найдем куда. Москва большая, там для всех место найдется. Коли дядюшка Дмитрий устроиться сумел, нешто мы не сможем? Двор царский там, приказы все. Князья родовитые.

– И сколько нам добираться?

– Батюшка сказывал, двести верст по тракту. Десять дней пути... – Борис опустил глаза к корзинке. – Коли припасы беречь, дней на шесть хватит. Дня четыре, я так мыслю, вытерпим. А там уже и Москва!

Поев и обсохнув, паренек оделся. Брат с сестрой вернулись на дорогу, с полверсты прошли по ней на юг и оказались на чистеньком ухоженном тракте, ведущем из столицы великой православной Руси на запад, в земли немецких схизматиков. Дорога примерно трех сажений в ширину – четыре телеги бок о бок легко помещались – была усыпана желтым речным песком, и потому на ней не застаивалось ни луж, ни слякоти – в любую погоду спокойно ездить можно.

Однако в сии майские дни тракт все едино оказался совершенно пуст – в весеннюю распутицу путники не рисковали отправляться в дальнюю дорогу даже по такому сказочному и удобному тракту, как этот. И потому до самых сумерек сироты не встретили здесь ни единого попутчика, разминувшись всего с тремя встречными возками.

Вечером дети свернули в лес, выбрали вековую ель, высоченную и разлапистую, забрались под нижние ветки, завернулись в пахнувший солеными огурцами, старый и истрепанный до дыр овчинный тулуп, прижались друг к другу и крепко, спокойно заснули.

Новый день не принес никаких неожиданностей: чистое небо, теплое солнце, свободная дорога – и никаких признаков погони. К вечеру сироты добрались до могучей и богатой Вязьмы, но входить в город не рискнули – обогнули твердыню вдоль бревенчатых стен и двинулись дальше по тракту. Снова заночевали в лесу, завернувшись в тулуп и укрывшись еловыми лапами.

Так же благополучно протекли еще два дня – не считая того, что к вечеру второго закончилась рыба, а репы осталось только половина корзины. После этого Борис начал беречь припасы, доставая лишь по две репы на завтрак, обед и ужин, но к седьмому дню пути корзина все равно опустела, а юные путники не дошли еще даже до Можайска. И ночевать на восьмой день пришлось на голодный желудок.

Судороги в пустом животе разбудили сирот еще до рассвета. Борис поднялся первым и, чтобы хоть как-то заглушить голод, ощипал с еловых веточек молодые хвойные кисточки, сжевал их почти полную горсть, закусил растущей на прогалине кислицей. Еда не самая сытная и вкусная – но хотя бы не отравишься.

– Боренька, кушать очень хочется, – жалобно шмыгнула носом сидящая на тулупе девочка, зябко потирая плечи. – Неужели совсем ничего не осталось?

– Я сейчас чего-нибудь найду, – пообещал паренек. – Ты только не плачь, Иришка, хорошо? Здесь подожди. Капусты, вон, заячьей пощипать можешь.

Борис решительно положил ладонь на рукоятки отцовских ножей, отошел от ели, под которой они ночевали, и в задумчивости замедлил шаг.

У него не имелось с собой ни лука, ни рогатины, ни даже простого кистеня. Ни лошади, ни веревки для силок. Посему рассчитывать на охоту младший потомок из рода Годуновых никак не мог. Не с чем охотиться! Да еще в чужом лесу, где ни тропы звериные неведомы, ни овраги и водопои, ни уголья помещиков местных. Про грибы в мае вспоминать еще рано, про птичьи гнезда тоже...

В животе от таких мыслей снова тревожно забурчало, остро кольнула судорога. Паренек двинулся вперед, глядя по сторонам в надежде высмотреть хоть что-нибудь. По левую руку блеснул просвет, паренек повернул туда. Сделав несколько шагов, он увидел впереди речную излучину. Не иначе петлистой Вязьмы.

– Есть! – обрадовался мальчишка, быстро пробился вперед, спустился к влажному, заболоченному берегу, заросшему рогозом, забрался в самую гущу растений, выхватил косарь[1 - Косарь – большой хозяйственный нож для грубых работ. Один из двух ножей, обычно постоянно носимых мужчинами. Часто изготавливался из сломанной косы, за что и получил такое прозвище.], рванул под основание самую крупную камышину, резанул переплетение дерна над лентой корневища, потянул дальше, еще и еще. Добыв хвост пяти шагов в длину, обрубил его, быстрыми ударами срезал зеленые стебли, отбросил в сторону и взялся за растущие чуть в стороне растения. Когда в мутной жиже перерытой болотины набралось с десятков корневищ, собрал их все в пучок, прошел по реке чуть выше, к сухому берегу, тщательно выполоскал, забросил на плечо и отправился в обратный путь: – Эй, Иришка, ты где?! Отзовись!

– Ау! – прозвучал из лесной гущи девичий голосок. – Я здесь!

– Иду-у!!! – Двигаясь на голос, паренек вскоре выбрался к ели, сбросил добычу на землю. Одно из влажных рыжих корневищ тут же порубил на куски в локоть длиной, пару штук очистил от тонкой шкурки и протянул белое рыхлое нутро сестре: – Вот, пожуй пока. Манку с корешков глотать можно, а мочалку выплевывай.

Малышка тут же жадно вцепилась в угощение, а Боря снова отправился в лес, собирая хворост и валежник. Притащив несколько охапок, расчистил место на прогалине между деревьями, сложил шалашик из самых тонких веточек, подсунув в середину горсть прошлогодней сухой травы, добавил тертого сухого мха, достал из поясной сумки кресало. Привычно высек искру, раздул огонь, немного выждал, давая заняться веткам, бросил сверху хворост.

– Как хорошо, костер! – обрадовалась девочка. – Боря, а мы что, сегодня никуда не пойдем?

– Я так мыслю, сегодня не получится, – покачал головой паренек. – Пока угли нагорят, пока корни запекутся... Полдня пройдет.

– Ой как славно! – Ира села рядом с братом, зацепилась за руку и крепко-крепко прижалась к его боку. – У меня от этой ходьбы уже все ноги болят!

Поверх тонкого хвороста легли толстые ветки соснового валежника. Когда он прогорел, паренек покидал в угли порубленные куски рогоза, набросал сверху веток. Костер полыхнул снова, а когда прогорел, Борис выгреб из углей запекшиеся корни. Выждав, пока они немного остынут, сироты стали чистить получившееся угощение и жадно есть. На вкус оно оказалось совершенно никаким – просто вязкая, слегка пахнущая дымом масса. Однако в животе очень быстро возникло подзабытое ощущение сытости.

Паренек бросил на угли оставшийся хворост, принес и расстелил тулуп. В тепле сироты быстро сомлели и задремали.

– Как славно, что мы вместе, Боренька, – неожиданно пробормотала девочка. – Мы ведь с тобой никогда не расстанемся, правда? Никогда и ни за что!

– Никогда, Иришка. – Младший Годунов нащупал ладонь сестры и крепко ее сжал. – Одни мы с тобой теперь на всем белом свете. Нам друг друга терять нельзя.

Ближе к вечеру паренек сходил к реке еще раз, добыв несколько плетей рогоза, каковые сироты тоже запекли на углях. И потому утром они не только хорошенько наелись, но и почти наполовину загрузили корзинку едой.

Этого запаса юным путникам хватило на два дня. Но зато вторым вечером детям повезло остановиться на краю небольшого клюквенного болота – и они вдосталь наелись оставшейся после зимы ягоды.

На пятнадцатый день пути брат с сестрой наконец-то добрались до Можайска – огромного белокаменного города, почти на полверсты во все стороны

окруженного ремесленными посадками.

Полпути до Москвы! Вслух Борис ничего не сказал, однако понял, что очень сильно ошибся в замысленных на дорогу планах.

Можайск ребята тоже обогнули, свернув в лес в двух верстах за ним. Их корзинка опять была пуста, но теперь паренек знал, где можно добыть еды, и сразу отправился к реке, благо текла она всегда в одном и том же месте – немного к северу от Литовского тракта.

Однако здесь путника ждала неприятная неожиданность – вместо широкой извилистой Вязьмы со множеством заводей и тоней мальчик увидел широкий канал с ровными гладкими берегами.

– Вот проклятие! – только и выдохнул Борис. – Кажется, нам опять придется кушать веточки...

На первое утро это показалось еще терпимо – отправляться в дорогу на пустой живот. Правда, от места своего привала сироты двинулись не на тракт, а к каналу – Борис все же надеялся найти около русла спрямленной реки какую-нибудь топь.

Увы, дети шли час за часом, а берега канала оставались все так же безжизненными – ровными и сухими, с широкой тропой для бурлаков вдоль самого края. И единственное, что могло радовать путников, так это множество елок с молодыми почками – хоть какое-то угощение, чтобы приглушить голод. Правда, к полудню эта уловка перестала помогать. Животы Бориса и Ирины урчали, во рту пахло свежеколотыми дровами, остро сосало под лопатками.

– Смотри, тут даже кислица не растет! – пожаловалась девочка. – Совсем ничего! Даже земляники! Она уже должна созреть, но тут почему-то не растет...

– Потерпи немного, сестренка. Рано или поздно чего-нибудь обязательно найдется.

Однако канал тянулся к востоку, солнце потихоньку катилось детям за спину, а ничего, кроме еловых почек, к ним в рот так и не попало. После заката сиротам

пришлось лечь голодными и голодными встать. И никакие хвойные веточки живот уже ничуть не успокаивали.

Когда незадолго до полудня им на пути попался ручей в два шага шириной – паренек сразу повернул направо, вверх по течению, надеясь найти на нем хотя бы маленькую топкую лужу. Прошел всего две сотни шагов – и вдруг заметил торчащие поперек русла деревянные колышки.

– Стой! – замер он. – Кажется, верша...

Мальчик скинул поршни и штаны, осторожно вошел в воду, не обращая внимания на холод, ощупал стоящий за загородкой ивовый короб, открыл крышку.

– Что-то есть! – Боря сунул руку в ловушку, сцапал серебристую рыбешку, выкинул на траву. Потом еще и еще одну. – Кажется, все.

– Плотва! – радостно выдохнула девочка.

Рыбешки оказались всего с ладонь размером – но это была настоящая еда, а не тощая заячья капуста!

Прихватив добычу, дети отбежали дальше в лес, набрали хвороста, развели огонь. Пока пламя разгоралось, паренек выпотрошил рыбешку, нанизал на заостренные веточки. Добычу брат с сестрой запекли прямо в пламени и тут же разделили.

Но что такое одна маленькая рыбешка даже для маленькой девочки? Увидев, как жадно Ирина проглотила свою плотвичку, Боря отдал ей и вторую. Но сестра все равно смотрела голодными глазами:

– Может, там есть еще?

– Так быстро? – Паренек покачал головой. – Нет, так не бывает. Рыба обычно вечером кормиться идет, утром обратно в реку возвращается. Посему раньше нового утра проверять глупо.

– Но ведь может и забрести?

– Может, – вздохнул Боря. – Но вряд ли.

– Давай посмотрим?

– Ладно, давай, – не стал спорить паренек.

Но в верше, конечно же, было пусто.

– Боренька, давай подождем? – чуть ли не взмолилась Ирина. – Я так кушать хочу...

– Может, дальше по реке еще что-нибудь найдется?

– А вдруг не найдется? Здесь-то наверняка за день хоть рыбка, да попадется!

Жадно забурчавший желудок тоже выступил в поддержку девочки, и Боря кивнул:

– Ладно, сегодня отдохнем.

Дети отступили в лес. Борис срубил косарем несколько веток с одной ели, сделал лежанку под другой, поверх лап кинул тулуп. Большого для голодных сирот и не требовалось – просто полежать хотя бы день.

Утра они, конечно же, не дождались. Где-то за полночь паренек поднялся, в лунном свете пробрался до ручья, открыл крышку ловушки, пошарил рукой в темном ее чреве, метнул на берег несколько рыбешек.

– Пять штук! Уже кое-что.

Голод не тетка – Боря развел костерок сразу, не дожидаясь утра. В свете пламени брат с сестрой подкрепились, после чего завернулись в тулуп и наконец-то провалились в сладкий безмятежный сон...

– Так вот кто нашу рыбу ворует!!!

Боря, просыпаясь, резко откатился, выпутываясь из тулупа, вскочил и выдернул косарь.

Перед ним стояли двое опоясанных кушаками мужиков в длинных синих кафтанах с заячьими воротами. Суконные штаны, заправленные в пахнущие дегтем яловые сапоги, заплечные сумки, беличьи шапки. Судя по всему – обычные крестьяне. Оба носили длинные, хорошо расчесанные бороды – один русую, другой седую. И оба держали в руках короткие багры – примерно в полторы сажени длиной.

– Это не мы... – Борис настороженно переводил взгляд с одного врага на другого.

– А это тогда что?! – Русобородый смерд указал острием багра на разбросанные косточки.

– Оставь, Стрижаль. – Второй крестьянин неожиданно распрямился и оперся древком своего оружия в землю. – Ты же видишь, не из баловства они таскали, а с голодухи.

– Я, батя, эту вершу тоже не из баловства ставил! Мне своих детей кормить надобно, а не голытьбу приبلудную!

– Остынь, они твою снасть больше не тронут, – пригладил бороду старший крестьянин. – Ступайте отсель, малые. Снова попадетесь, выпорем.

Он посмотрел на Борю, на Ирину. Вздохнул, снял заплечный мешок, развязал, достал оттуда два еще пахнущих печью пирога и положил на лежащую боком корзинку.

– Во имя Ярилы светлого, Триглавы-кормилицы, Похвиста-путеводителя, – перекрестился крестьянин. – Ступайте с богом!

– Лупить их надобно, батя, а не подкармливать, – недовольно буркнул рыжебородый.

– То ж дети, Стрижаль, – примирительно ответил крестьянин. – Мы, люди, помогать друг другу должны, а не грызться, ако звери дикие. Пойдем, нам сегодня засветло до волока надобно добраться.

Мужики развернулись и отправились в сторону реки. Сироты торопливо схватили пироги, вцепились в них зубами.

– Ух... – жуя, выдохнула Ирина. – С грибами... Никогда таких вкусных не снедала...

– Коли они до волока сегодня дойти собрались, – так же жадно истребляя пирог, ответил паренек, – то мы, выходит, на Рузе оказались. Али на Москва-реке в верховьях. Отсюда до тракта далеко.

– Мы заблудились? – вскинулась девочка.

– Нет. Вот токмо, боюсь, искать дорогу дольше выйдет, нежели вниз по течению идти. Москва-река мимо Москвы всяко не промахнется.

– Ну, так пошли по реке! – пожала плечами повеселевшая после сытного завтрака малышка.

Борис скатал тулуп, сунул его в пустую корзину и поднялся:

– Пошли.

Его душу уже сосала мысль о том, что они станут есть вечером.

Тропа вела детей вдоль реки, в которую как-то незаметно превратился вчерашний ручей. Теперь берег стал неровным, местами снижаясь до самой воды и смачно чавкая под ногами, местами поднимаясь на высоту человеческого роста. На реке появились мыски и заводи – однако рогоза нигде не росло. То ли дно для него неподходящим оказалось, то ли течение быстрое. А может статься – кто-то успел все камыши уже давным-давно повыщипать.

Когда незадолго до вечера на пути сирот встретила широкая, в десяток шагов, протока по колено глубиной – брат с сестрой, не сговариваясь, повернули по ней, выискивая глазами рыболовные загородки. Однако широкий ручей оставался на удивление чистым – ни камышей, ни затонов, ни каких-либо примет от поставленных снастей. Только кустились заросли ивы по берегам, торчала осока на частых кочках да струились, раскачиваясь, водоросли и проскальзывали меж ними по мелководью стайки мальков.

– Иришка, ты чего-нибудь чуешь? – неожиданно остановился Борис.

– Чего?

– Словно кто-то внизу в ноги стучит?

Девочка замерла, прислушиваясь, и вдруг вся напряглась:

– Ага... Словно кто-то землю ломает, наружу хочет выскочить... Ой, мамочки... – Ирина вскинула к лицу сжатые кулачки. – Тут демон какой снизу замурован, да?! Боря, он не выскочит? Боря, а у тебя амулет какой-нибудь заговоренный есть?

Паренек передернул плечами, ускорил шаг. Стук снизу становился все явственнее, отдаваясь гулкими ударами в воздух. Путники пробрались еще немного дальше, продираясь через кусты, Боря отодвинул очередную ветку и с облегчением перевел дух:

– Фу-у, Иришка! Никакие это не демоны! Это просто водяная мельница!

Впереди возвышалась бревенчатая стена примерно в полтора человеческих роста высотой. Длинные, влажные и черные от времени, полуторохватные бревна лежали одно поверх другого, закопанные концами в земляные насыпи по берегам. По широкому лотку через дамбу текла вода, падая на лопасти закрепленного на козлах колеса. Вал от одного уходил в приземистый, пахнущий калеными орехами сруб, из которого и доносились те самые, отдающиеся в землю, мерные тяжелые удары.

– Маслобойня, похоже, – повел носом Борис. – Вона, как олифой воняет!

– Как они тут живут, в грохоте таком? – зажала уши девочка.

– Богато живут! – не без горечи в голосе ответил младший из рода Годуновых. – Это у пахарей то неурожай, то падеж, то еще какая напасть случается. А у мельников, пока вода течет, завсегда доход имеется. Что на суконных мельницах, что на маслобойных, что на кузнечных, что на бумажных – мошна завсегда серебром звенит.

– А может, попросить Христа ради? – понизила голос Ирина. – Коли богатые такие, может, и поделятся?

– Мы дети боярские, сестра, а не смерды жалкие, с рукой протянутой стоять! – Голос паренька резко отвердел. – Лучше с голоду пухнуть буду, но попрошайничать не стану! И тебе не позволю!

Девочка в ответ вздохнула. Борис еще раз уверенно кивнул, прошел под срубом маслобойни и стал подниматься по заросшей травой насыпи. Ирина пробралась следом, и они оказались перед высоким добротным тыном, уходящим в заросли лещины. Там у самого кустарника стояли ворота, к которым тянулась засыпанная мелкой галькой дорога. И еще прежде, чем дети успели что-то решить, из-за забора послышался злобный собачий лай.

– А правда, что все мельники с нечистой силой водятся? – громко сглотнула девочка.

– Ты еще скажи, что детей маленьких жарят! – усмехнулся паренек, однако ладонь на рукоять косаря все-таки положил. – Просто живут они завсегда на отшибе. У омутов, запруд да на горках лысых. Потому и нелюдимы. С русалками больше знают, нежели с христианами честными.

– Это кто здесь шляется?! – Рядом с воротами неожиданно распахнулась калитка, и на дорогу вышел широкоплечий приземистый мужик с топором в руках. Рыжая курчавая борода, наполовину разобранный на косички, бритая голова без шапки, грубая домотканая рубаха, перепоясанная с трудом держащей обширное пузо веревкой, просторные полотняные штаны и плетенные из лыка сандалии. – Чего надо?

Мельник выглядел как самый обычный нищий смерд, и потому Боря приободрился, развернул плечи.

– Просто мимо проходили, добрый человек, – уверенно ответил он. – Безо всякого умысла.

– Здесь что, тракт проезжий вдруг появился? – Мельник настороженно посмотрел по сторонам. – Идёте, так идите! Да токмо знайте, что на ночь пса своего я с привязи спускаю. Он у меня злой и голодный. Кого во дворе застигнет, порвет сразу!

– А правду сказывают, дяденька, у тебя серебра несчитано накоплено? – вдруг спросила девочка. – Что окрест никого богаче нет?

– Правда, сказывают? – Мужик хмыкнул, чуть приосанился. Перехватил топор под обухом и сунул за пояс. – Вам-то что за печаль? Ступайте с богом.

– Может, работа какая найдется? – Борис тоже убрал руку с ножа и прикрыл косарь полый кафтана. – Я бы подсобил.

– Знаешь, у кого серебра много, парень? – пригладил бороду с косичками мельник. – У того, кто монетку каждую сберегать умеет. Я не ленивый, сам с заботами своими управляюсь.

– Может, хоть переночевать пустишь, хозяин?

– Дайте воды напиться, а то так есть хочется, что переночевать негде! – громко расхохотался мужик и, ничего не ответив, скрылся за калиткой.

– Все богатеи жадные... – нахмурилась Ира. – Смерды простые, и те пирогом поделились. А этот токмо подразнился.

– Ладно, пошли. Может, хоть пескарей в ручье черпнуть удастся. – Борис стал спускаться по насыпи вниз, прошел по своим следам обратно. А когда добрался почти до ручья, сзади послышался голос:

– Эй, ребятня! Обождите! – На склоне появился мельник, быстро спустился к сиротам. – Пошли за мной!

Мужик повернул к медленно крутящемуся колесу, по небольшим отмелям допрыгал почти до середины протоки и остановился, указал на плотину:

– Туда посмотри! Видишь?

Там, куда мельник ткнул пальцем, между двумя нижними бревнами упруго била наружу струя воды шириной почти в полтора локтя. Хозяин тяжело вздохнул:

– Вона, какая сила напрасно пропадает! Да еще и размывает, зараза. Перекосило что-то за зиму. Теперича протекло. В общем, заделать надобно. Такая вот есть у меня ныне работа, парень. Возьмешься?

– Как же я ее заделаю? – развел руками Борис.

– Сие дело нехитрое. У меня и пакля просмоленная уж заготовлена, и клинья. С той стороны нырнуть надобно, паклей щель заложить, а опосля клиньями законопатить намертво.

– Так ведь вода еще холодная, дяденька! – мотнула головой Ира. – Аж ноги сводит, коли ступишь.

– Была бы теплая, сам бы давно заделал, – ехидно ухмыльнулся мельник. – Токмо за холод заплатить и согласен.

– Сколько заплатишь? – хмуро спросил Борис.

– У меня в пруду карасей много развелось, – пригладил живот мужик. – Сетка поперек стоит, каждый день в нее десяток-другой попадает. Коли дыру законопатишь, на пять дней тебе сей лов отдам. Что поймашь, все твое.

– И конопатить самому, и ловить самому? Что это за плата такая?

– Коли сытым жить желаешь, парень, оно завсегда трудиться надобно. С утра и до вечера. Достаток, он ведь сам собою не приходит.

– Может, сетка сия вообще ничего не ловит? Откель нам знать?

– Дык прямо сегодня проверить можете, – пожал плечами мельник. – Работать завтра начнете. Коли обманул, так уйдете поутру, и все.

От разговоров про карасей желудок паренька радостно напрягся, однако Борис все еще колебался.

– Хитришь ты чего-то, мельник, – мотнул он головой.

– Ладно, – вздохнул мужик. – Пусть будет десять дней лова, а не пять. Жить пушу в баню. Дрова дам, коптильню дам, котелок на время дам. Но серебром платить не стану, на то не надейтесь! Коли деньги нужны, карасей копченых на торгу продайте. Я же токмо ловом заплатить могу. Такое мое последнее слово. Ну что, по рукам?

Борис потер нос, вздохнул и кивнул:

– Ладно! По рукам!

Пруд перед плотиной оказался не очень-то и большим – примерно с две боярские усадьбы размером. Лодочка у берега выглядела под стать: полуторасаженное выдолбленное бревно с привязанными по бортам для устойчивости жердями. Взрослому человеку в такое сооружение следовало забираться с опаской – но дети легко поместились даже вдвоем.

Гребя руками, сироты добрались до уходящей в воду от прибрежной березки веревки. Дальше Ира потянула шнур, а Боря стал выбирать снасть. И почти сразу в его пальцах затрепыхалась золотистая рыбешка.

– Карась! – обрадовалась Иришка. – Кажется, мельник не врал.

Паренек выпутал добычу из ниток, бросил на днище, двинулся дальше и почти сразу достал второго толстенького красавца цвета темного золота.

– Их тут и вправду полно! – тихо засмеялся Боря. – Кажется, сегодня пируем!

Снасть длиной всего в полсотни шагов принесла рыболовам целых шестнадцать упитанных отборных тушек! Это означало не просто сытный ужин – но и хороший запас в дорогу. Боря мысленно перемножил шестнадцать карасей на десять дней – и понял, что сделка получилась удачной. В ближайшие дни голод им с сестренкой больше не грозил.

– Теперь заживем! – радостно улыбнулся он.

Мельник не просто так поселил детей именно в бане. Скорее всего, хозяин опасался кражи и предпочел оставить малознакомых гостей подальше от дома, за высоким тыном. «Мыльня» же стояла за пределами подворья, на самом берегу пруда, возле уходящих в глубину мостков. Вестимо, чтобы, распарившись, сразу в глубину нырять.

Однако дети не обиделись. Они тоже предпочитали находиться вдвоем, без чужаков.

В починке плотины мужик помогать не стал. Поутру пришел к бане, всучил пареньку рогожевый мешок с просмоленной паклей, охапкой коротких клиньев и тяжелой кувалдой, махнул рукой:

– Плывите! А мне работать надобно...

Взяв с собой полученный инструмент и погрузившись в долбленку, сироты доплыли до середины плотины, приткнулись бортом к верхнему помосту. Боря выглянул наружу, прикидывая, где именно находится течь, перебрался на стену, дабы не раскачивать лодку, разделся.

– Холодно... – зачем-то сказала девочка.

– Да, не май уже, Иришка. – Борис глубоко вдохнул и нырнул.

Вода обожгла кожу неожиданно болезненной резью, но боль быстро притупилась, и паренек стал забираться в глубину, перебирая руками бревна. У

плотины оказалось неожиданно мутно, в упор ничего не разглядеть, однако найти повреждение даже на ощупь получилось очень просто – течение само направило руку мальчика к нужному месту.

Паренек вынырнул, глубоко вдохнул, нырнул снова. Добрался до дыры, стал прощупывать бревна, но почти сразу вода выбросила его наверх словно поплавок.

– Проклятие! – ругнулся паренек, снова выныривая.

– Ты не замерз?

– Лучше не спрашивай, – тяжело дыша, ответил ее брат. – Чем быстрее сделаю, тем скорее отогреюсь. Дай-ка молот...

Он сделал пару глубоких вдохов, ухватил рукоять молота зубами и снова ушел в глубину.

Теперь Боря знал, зачем мельник дал ему кувалду – с такой тяжестью он держался под водой вполне уверенно. Быстро прошелся пальцами по отверстию, определяя его края. Вынырнул, схватил через борт паклю, снова ушел под воду. Нашупал место повреждения, быстро заткнул его от начала и до конца, всплыл и сразу выбрался на край плотины. Его била крупная дрожь, тело покрылось мурашками.

– Уже сделал? – встрепелась девочка.

Борис посмотрел наружу. Струя потоком больше не била, однако продолжала течь довольно бодро.

– Надеюсь, паклю не унесет, – передернул плечами паренек. – Пошли в баню, а то у меня зуб на зуб не попадает.

От берега до сруба он добежал бодрой трусцой, в теплом доме завернулся в тулуп. Иришка пришла чуть позже и сразу стала забрасывать в печку щепу:

– Боря, подожжешь?

Брат послушался, достал кресало, высек искру на трут, раздул, запалил ленточку бересты и подсунул под щепу:

– Ты тут топи, а я сбегаю еще пару раз нырну. Боюсь, как бы паклю не вымыло. Что мы тогда хозяину скажем?

По счастью, поток прижимал заплату достаточно плотно. Несколько раз погрузившись, паренек приткнул в щель один из клиньев и даже смог слегка его заколотить. Это было не так просто – барахтаясь в воде и работая на ощупь. От каждого движения Бориса качало из стороны в сторону, а при попытке размахнуться и вовсе закручивало. Так что вбивать приходилось мелкими короткими ударчиками.

На этом Борис и выдохся – продрогнув до костей и потеряв дыхание. Поплыл обратно к сестре.

По счастью, баня топилась по-черному. То есть вместо печи тут стоял высокий каменный очаг с железными перекладинами для котла. В очаге горел огонь – и продрогший Борис простер над ним руки, слегка наклонился вперед, прогревая грудь. Потом повернулся спиной, стоя так близко, что вскоре ощутил ожог, опять повернулся.

– Хорошо! – с наслаждением выдохнул паренек. – Никогда не думал, что обычный костер способен дать столько удовольствия.

– Кушать хочешь? Тут еще четыре печеных карася осталось.

– Потом, сестренка, – покачал головой младший Годунов. – Сперва надобно снасть проверить. А то как бы не стемнело... – Он придвинул свою сухую и теплую одежду, быстро облачился и кивнул на дверь. – Пошли?

Здесьний мельник оказался человеком многоопытным – он ухитрился предугадать практически все. И то, как придется мучиться ныряльщику с забиванием клиньев – их удавалось вколотить всего по три-четыре в день, мучаясь с каждым почти по часу и долго отогреваясь после каждого заплыва. И то, что снасть станет приносить аккурат столько рыбы, сколько нужно двум

детям для еды. И даже то, что через неделю постной жизни сироты все же захотят сделать себе небольшой запас в дорогу и им понадобится коптильня.

Борис управился с работой за восемь дней – вбив в заделанную просмоленной паклей трещину между бревнами чуть больше двадцати клиньев вплотную один к другому. Еще два дня он отдыхал, греясь на верхнем полке и покидая его только для того, чтобы еще раз проверить снасть. Утром же одиннадцатого дня послышался стук в дверь, и внутрь почти сразу заглянул мельник, одетый на сей раз в кожаные штаны и беличью душегрейку.

– Вы еще не ушли, малые? – громко поинтересовался он. – Славно, что застал. Вот, возьмите, супруга вам в дорогу собрала. А то ведь у вас, вестимо, рыба уже из ушей лезет?

Мельник хмыкнул, положив возле девочки небольшой заплечный мешок, после чего повернулся к коробу коптильни, придирчиво ее осмотрел.

– Я посмотрел плотину, ребята. Ныне нигде ничего не сочтется, – не оглядываясь, сказал мужик. – Молодцы, хорошо потрудились. На совесть. Так что, коли нужда возникнет, можете заглядывать. Руки рабочие понадобятся, позову. Да-а...

Он снял с печи жердяной короб, замотанный почерневшими от копоти лубяными полотнищами, и вышел с коптильней за дверь.

– Похоже, хозяин намекает, что нам пора выметаться, – спустился с полка Борис.

Девочка в это время уже распутывала узел заплечного мешка. Радостно визгнула:

– Боря, тут сало!!! И хлеба половина буханки! И еще пироги! Теперь нам уж точно до самой Москвы хватит, правда?

– Надеюсь, – кивнул паренек, уже окончательно запутавшийся в том, где они находятся и как долго им еще добираться.

Покинув гостеприимную «мыльню», дети обогнули двор, спустились с дамбы, пошли вниз по протоке – и неожиданно услышали впереди громкую ругань.

Борис, широко размахивая корзиной с копчеными карасями, ускорил шаг, пробрался через ивовые заросли и увидел уткнувшийся носом в протоку струг, шагов десяти в длину и пяти в ширину. Перед сшитым из тонкого теса судном возились по колено в воде двое мокрых длинноволосых бородачей, одетых токмо в высоко засученные портки. Мужчины пытались подкопать веслами песок под килем и столкнуть корабль на воду, но получалось плохо. Струг подпирало течение, и чем глубже корабельщики разрывали песок, тем дальше он выползал на мель – несмотря на все их старания.

– Доброго вам дня, путники! – поздоровался Боря. – Помощь нужна?

– А то! – выдохнул один из корабельщиков. – Лодку поднять сможешь?

– Можно подсунуть весло под киль, – сразу предложил паренек, – и приподнять.

– А то мы не пробовали!

– Постой! – выпрямился второй, повел плечами. – Коли вчетвером, можно попытаться. Малышка, ты ноги замочить не боишься?

Ира молча мотнула головой.

– Тогда держи! – Корабельщик протянул ей свое весло.

– Нешто ты обезумел? Ей же его не удержать! – стал разуваться Боря. – Дай лучше мне.

– Она средь нас самая легкая, – мотнул головой мужик. – А сила здесь большая не надобна. Лопасть я воткну в дно поглубже, ее токмо придержать перед килем надобно, дабы не снесло, как подсплывем.

– «Всплывем» или «толкнем»? – не понял его Борис.

– Это же лодка! – ответил корабельщик. – Чем больше груза на корме, тем выше задирается нос. Вдвоем с братом мы и тут, и там выталкивать не можем, но коли девочка от сноса удержит, то, милостью Похвиста, сползти с мели и получится. Давай, забирайся! – Мужик первым зацепился за борт, толкнулся ото дна и

перевалился внутрь. Тут же распрямился, протянул руку: – Давай свою корзину! Нам ноне каждый фунт в жилу!

Забравшись в струг, все трое мужчин торопливо перебежали до самой кормы, на которой обнаружился седобородый старик, прикрытый волчьей шкурой.

– Ты как, дед? – бодро поинтересовался корабельщик.

– Загораю, олухи! – заворочался тот. – Долго вы тут сидеть намерены, слепые курицы?

– Скоро выберемся, дед. Отдыхай!

Корабельщики стали метаться от борта к борту, раскачивая струг, а затем подобрали весла, стали отчаянно грести против течения. Потом снова заметались и опять принялись грести.

Поначалу казалось, что ничего не происходит, но вскоре Боря заметил, что судно стало медленно поворачивать к стремнине.

– Двигается!!! – радостно закричала с отмели Ирина.

– Еще чуть-чуть... – тяжело отозвались, работая веслами, корабельщики. И лишь когда судно облегченно закачалось на воде, разворачиваясь поперек русла, один из мужчин со всех ног метнулся к носу и крикнул: – Руку давай!

Он резко наклонился, выдернул девочку вверх, перехватил весло, тут же на него навалился, отпихиваясь от мели.

– Получилось!!! – радостно выдохнула Ирина. И гордо добавила: – Это я удержала!

– Мы видели, красавица! – подмигнул ей корабельщик. – Ты велика и могуча, как богиня!

– Да, я богиня! – согласилась малышка.

Борис же выглянул за борт. Нанесенная ручьем отмель, на которой осталась глубокая яма от кия, медленно проплывала мимо.

– Как вас угораздило? – спросил он через плечо.

– Спешили слишком, – ответил один из корабельщиков. – Плыли допоздна, в сумерках не заметили, вот и выскочили, да еще и на всем ходу. Да еще дед, как назло, ногу на волоке сломал. Он у нас за кормчего. А ныне, вон, лежит и токмо ругается.

– Как же вы вдвоем с этой махиной управляетесь?

– Дык по течению же, – пожал плечами бородач. – Надобно токмо направление подправлять. Хотя, знамо, иногда рук не хватает. С дедом на корме было бы легче. Ну да ладно, как-нибудь доберемся.

– Брат, к рулю встанешь?! – крикнул с носа второй корабельщик. – Как оденусь, подменю!

– Встану! – отозвался Борин собеседник и снова повернулся к пареньку: – Поклон вам за помощь, ребята. Вас где высадить?

– В Москве можно? – нахально спросил младший потомок рода Годунова.

– До самой Москвы?! – хмыкнул бородач и быстрым шагом прошел к корме, присел на борт, взявшись за закрепленное в петле весло, несколько раз его толкнул, выворачивая на стремнину. Громко спросил: – У тебя, парень, губа не дура! Что скажешь, брат?!

– Пусть плывут, не жалко, – натягивая рубаху, отозвался корабельщик. – Места у нас хватает, а есть-пить детишки не просят. Харчей, я смотрю, у них с собой изрядно. Так отчего не подсобить добрым людям, коли нам с тобой это ничего не стоит?

16 июня 1564 года

Близость стольного града дала о себе знать еще за много верст до центра православной Руси. Деревни по берегам стали встречаться не пару раз в день, а каждый час, причем подворья раз за разом становились все просторнее и богаче: выше тын, длиннее и прочнее причалы, вычурнее резьба наличников и роспись ворот. Кровли из дранки сменились тесовыми, тесовые – мореными, мореные – золотистой ольховой чешуей. Амбары все росли в размерах, у воды то и дело попадались бани с трубами – для протапливания по-белому.

Наконец настал час, когда заборы на берегах сомкнулись в одну сплошную стену, причалы встали один за другим с промежутком всего в сотню шагов, и у каждого второго качались ладья, струг или ушкуй, каковые либо грузили, либо разгружали могучие амбалы в накидках из грубой серой мешковины.

Корабельщики, работая веслами на корме и на носу, ловко скользили по тесной от лодок и кораблей реке.

– Не заблудитесь, олухи! – зашевелился на своей подстилке старик. – Супротив течения вам не выгрести, с первой попытки пристать надобно. Кадашевская слобода ужю начинается!

– Сами видим, дед! Не первый раз! – Корабельщики заработали веслами вразнобой, поворачивая струг носом к берегу, затем разом вскинули лопасти. Судно по широкой дуге ушло со стремнины и мягко уткнулось носом в поросший осокой берег чуть выше одного из причалов.

– Так и знал, что промахнетесь! – простонал старик. – И в кого вы токмо уродились-то этакими балбесами?!

Течение плавно повернуло струг, и он тихонько ударился кормой о причальный бык на краю застеленного жердями помоста. Бородач на носу осторожно толкнулся от берега. Корабль отодвинулся от травы на пару шагов, немножко покачался – и течение прижало его к причалу.

– Учишь вас, учишь, – буркнул старик. – Все едино с первого раза привалить не можете!

– Все, ребята, прибыли! – Кормовой корабельщик выскочил на причал и принялся наматывать на высокую сваю причальный конец. – Москва.

– Где мы, Карвай? – спросила девочка.

– Нешто не слышали, малышка? – отозвался корабельщик с носа струга. – Кадашевская слобода! Лучшие бочкари земли русской! Коли капусту надобно в чем-то поквасить али грибы, огурцы засолить, то вам сюда надобно, любую кадку сделают и недорого возьмут. А коли Кремлем полюбоваться желаете, то еще с полверсты дальше по реке ступайте.

– А какой сегодня день? – спросил уже Борис.

– День Лукьяна-ветреника[2 - 16 июня.], я так надеюсь. А то как бы неустойку платить не пришлось. Обещались успеть до заката.

– Кому?

– Много будешь знать, скоро состаришься, малышка. – Корабельщик перепрыгнул на причал, закрепил нос струга, после чего опустился на колени и обнял Иру: – Удачи тебе, маленькая красавица. Надеюсь, еще свидимся.

– И я надеюсь, Карвай! – Малышка обхватила корабельщика за шею, прижалась к бороде щекой, шмыгнула носом и тут же отступила. – Увидимся.

– Спасибо вам! – Борис закинул за спину мешок, поднял корзинку. – Удачи вам, вечные путники, и попутных ветров!

Сироты ощущали себя богатыми и счастливыми: у них оставалось еще с десятков копченых карасей и изрядный шматок сала, они смогли добраться до Москвы, они были сыты и оставались вместе.

Пройдя вдоль берега и пробравшись узким проулком между пахнущими ванилью амбарами, брат с сестрой попали на широкую улицу, полную шума и суеты. Одна

за другой катились здесь телеги, полные сундуками, корзинами, бочками, покачивались на кочках крытые кошмой или кожей кибитки, мчались по своим делам всадники, одетые кто в яркие синие и зеленые кафтаны, кто в ферязи с золотой вышивкой, а кто в переливчатые атласные рубахи и столь же яркие шаровары. Но все – в сапогах, в меховых шапках, с наборными поясами, с ножнами, украшенными золотом и серебром, со сверкающими от самоцветов сумками.

Впрочем, пешие горожане тоже предпочитали в одежде добротное сукно и оторочку из бобра, соболя или куницы, носили сапоги и войлочные туфли. Пояса светились серебром и янтарем, ножны поражали вычурной костяной резьбой, а поясные сумки – золотыми клепками. Женщины носили яркие набивные платки, а многие – даже шелк или похожую на туман невесомую кисею, мужчины – шапки из бобра и чернобурки.

Оттого дети в своих домотканых нарядах, с самодельными поршнями вместо сапог да простенькими поясами постоянно ловили на себе снисходительные, а то и презрительные взгляды. Москвичи смотрели на сирот так, словно те вышли из дома голыми.

Настроение путников быстро угасло. Они старались идти вдоль самых заборов и не встречаться с горожанами глазами – смотрели только себе под ноги, мечтая превратиться в невидимок. И это удалось – когда дети попали в затор из сгрудившихся перед опрокинутым роспуском возков. Здесь сироты втиснулись между крытой парусиной кибиткой и крашенным красной охрой тыном и остановились, оставшись наконец-то наедине.

– Куда теперь, Боря? – спросила девочка.

Старший брат промолчал. Когда он убегал с дядюшкиного двора, пареньку казалось, что достаточно добраться до Москвы – и уж тут все образуется как-то само собой. Ведь это столица. К тому же у дядюшки Дмитрия все получилось!

Однако теперь... Москва оказалась местом странным и непривычным, совершенно незнакомым – многолюдным, тесным, с совершенно чужими людьми, которые не смотрели на детей, не здоровались, даже не кивали. Ничего не спрашивали, не предлагали помощи и вели себя так надменно, словно все поголовно к княжеским родам относились, а не к черному, тягловому люду. И

куда здесь деваться, к кому обращаться, что искать – Борис совершенно не понимал.

– Так куда мы идем? – дернула брата за рукав Ира.

– К дяде... – без особой уверенности ответил младший из рода Годуновых. – Надобно поклониться, коли уж приехали. Иначе невежливо получится. Совета можно спросить...

– Как же мы его найдем?

– Дмитрий Иванович при государе постельничим служит! Уж государя-то найти даже здесь не сложно. Он в Кремле живет, в самом центре, на берегу Москва-реки. Сия улица аккурат в ту сторону тянется. Пошли!

Боря поправил мешок на плече и стал протискиваться между телегами и частоколом.

Они миновали затор, оказавшись на почти пустой улице, ускорили шаг – и вскоре выбрались на берег речушки шириной в полтора десятка шагов. За рекой раскинулся густой зеленый луг, что упирался в основание белоснежных стен, оцетинившихся множеством пушечных стволов. В нескольких местах через протоку лежали деревянные мосты. Брат с сестрой повернули направо – к тому, который стоял почти у самой Москвы-реки. Однако едва юные путники ступили на тес переправы, как от ворот угловой башни кинулись навстречу сразу трое стражников, одетых в кольчуги и островерхие шлемы, придерживающих сабли на боку.

– Стойте, смерды! – вскинул ладонь один из воинов. – Назад немедленно!

– Вход во Кремль токмо служивым людям разрешен, – подходя ближе, добавил второй. – Нешто вам неведомо, дети?

– Нам надобен боярин Дмитрий Годунов, мы его родичи.

Ответом стал громкий хохот стражников.

– Это вы-то, бродяжки, родичи царского постельничего? – Один из воинов даже вытер выкатившуюся от смеха слезу. – Ну да, размечтались... Вон пошли отсюда, оборванцы!

– Но мы племянники Дмитрия Ивановича!

– Вы бы еще царскими родичами нареклись! Вон пошли, пока выпороть не велел!

– Когда дядюшка узнает, он тебя самого выпорет! – Борис вытянул руку, указывая на грубияна пальцем.

– Ты мне угрожать вздумал, сопляк?! – Воин положил ладонь на рукоять сабли.

– Коли вы боярину Годунову родичи, – неожиданно вмешался другой стражник, – так к нему и ступайте. Почто в царские хоромы ломитесь?

– Это куда, дяденьки? – спросила Ирина.

– Не знаете, где дом вашего родича, бродяжки? – Первый привратник продолжал мять рукоять сабли. Однако все понимали, что клинка он не достанет. Не станет же боярский сын на детей с оружием кидаться!

– Обойдите твердыню за рекой, – указал рукой второй воин. – За Китай-городом направо повернете. Спросите у людей Мясницкий холм, подворье Годуновых. Здесь же больше не показывайтесь, коли поротыми оказаться не хотите. Сирым и убогим на паперти место, а не у врат государя всея Руси. Здесь милостыни не подают.

– Благодарствую за совет, боярин, – приложив ладонь к груди, слегка поклонился Борис. – Хорошего тебе дня.

– И тебе доброго пути, отрок, – чуть более уважительно, чем прежде, ответил стражник.

Сироты отступили с моста, и караульные тоже неспешно направились к воротам.

Найти дом Дмитрия Годунова оказалось несложно – за Китай-городом его знали все.

Подворье царского постельничего выглядело богато – тын высотой в полтора человеческих роста из кольев толщиной в локоть, весь расписанный сказочными растениями с изумрудно-зеленой листвой, красными, синими и желтыми цветами, на створках ворот – львы с пышными гривами. Навес над воротами венчала маленькая луковка, голубая с золотыми звездами – тоже не самое дешевое украшение.

Любуясь всей этой красотой, Боря кулаком постучал в калитку. Потом еще раз, еще...

Во дворе наконец-то послышались шаркающие шаги, приоткрылось смотровое окошечко.

– Кто здесь? – хрипло спросил высушенный жизнью старикан со впалыми щеками, морщинистым лбом, глубоко сидящими глазами и тощенькой бородой.

– Это подворье боярина Годунова, Дмитрия Ивановича? – на всякий случай спросил Борис, хотя все встреченные горожане указывали именно на этот дом.

– Без хозяина не пущу. – Старик захлопнул окошко.

– Мы племянники Дмитрия Ивановича! – закричал паренек.

– Без хозяина не пущу, – снова прозвучало из-за калитки.

– Так позови хозяина! – снова застучал кулаком Борис.

– Нет его дома!

– А подождать можно? – спросила Ирина.

– Без хозяина не пущу!

– Но мы его родичи!

– Без хозяина не пущу!

– Когда Дмитрий Иванович вернется? – Паренек ударил кулаком в калитку, но уже не так сильно.

– Он не сказывал.

– Хоть примерно! Через час, два? Вечером?

– То мне неведомо.

– Где он, хотя бы знаешь?

– В Александровскую слободу на службу отъехал, – сказал хоть что-то полезное здешний привратник.

– Надолго?

– Без хозяина не пущу! – пресек попытки разговориться старик.

– Хоть переночевать-то можно, дяденька? – взмолилась девочка.

– Без хозяина не пущу.

– Но мы же его племянники!

– Без хозяина не пущу.

– А где она хотя бы находится?

– Без хозяина не пущу!

– Вот долдон! – в сердцах шлепнул ладонью по калитке Борис.

– Без хозяина не пущу.

– Ты просто сам не знаешь! – крикнула Ирина.

– Без хозяина не пущу.

– Пойдем. – Борис взял сестру за руку. – Коли поспешим, засветло успеем к корабельщикам вернуться. Они, знамо, дорогу укажут. Торговые гости должны про все русские города ведать.

Путь назад через всю Москву занял добрых три часа, и снова возле причала дети оказались только сильно за полдень.

– Карвай! – подпрыгнув, замахала рукой Иришка.

– Маленькая красавица? – Корабельщик, удерживая на плече коричневый, покрытый плесенью бочонок, отступил чуть в сторону, освобождая путь другим грузчикам. – Нешто Москва вам уже прискучила?

– Ага! – громко вздохнув, кивнула девочка. – Теперь мы хотим в Александровскую слободу!

– Коли в попутчики напроситься полагали, то не получится, – покачал головой бородач. – Туда речной дороги нет. Туда надобно до Сергиева Посада идти, а уж от него к слободе. Правда, сказывают, тракт там хороший, широкий и наезженный. Не заблудитесь.

– Далеко? – спросил Боря.

– Дней за пять доберетесь. – Карвай качнул бочонком на плече, поморщился: – Не серчайте, но нам разгружаться надобно, не до болтовни. Но коли нужда такая есть, переночевать на струге можете. В Москве с этим, я знаю, тяжело. Более ничем помочь не могу.

С дорогой корабельщик не обманул – на север от Москвы уходил тракт вдвое шире, нежели Литовский; отсыпанный крупным серым песком, с мостами через

все ручьи и овражки, с верстовыми столбами и многими постоялыми дворами по сторонам. Правда, и движение тут было не в пример западной дороге: телеги катились непрерывным потоком, местами даже в два, а иногда и в три ряда.

Дорога была ровной и прямой – иди да иди! Однако уже к вечеру небо затянуло тучами, а на второй день начался мелкий морозящий дождь, временами переходящий в туман, влажно облепляющий тело. За несколько часов такого путешествия дети промокли насквозь. Хорошо хоть, погода стояла теплая, и мерзли они не сильно. Однако, свернув в конце дня с дороги и отыскав в ближнем лесу высокую ель, брат с сестрой все равно разделись и завернулись в теплый сухой тулуп, крепко прижавшись друг к другу.

– Мокрый сарафан противный, – прошептала девочка. – Как бы нам его высушить?

Брат только вздохнул и покачал головой. Ему тоже хотелось бы одеться утром во все сухое, но о таком счастье не стоило даже и мечтать.

– Если утром будет солнце, – прошептал он, – мы обождем с выступлением. Развесим одежду на ветках, а сами отдохнем.

Однако рассвет встретил их настоящим плотным дождем – шумно стучащим по листьям деревьев, шуршащим травой, отпавивающим землю, журчащим ручьями меж корней, струящимся по еловым лапам. По счастью, струящимся только сверху, не попадая под кроны.

Прижимаясь спинами к стволу, дети съели по куску сала (рыба закончилась еще позавчера), расправили развешанные на комлях ветвей рубахи, штаны и юбки, снова разлеглись на тулупе, ожидая путевой погоды.

Однако дождь лил и лил, без малейшего просвета. К полудню, отрезав себе и Ирине еще по ломтю, Борис решился:

– Ты подожди, а я осмотрюсь.

– Ты куда? – попыталась удержать его сестренка, но Боря поднялся и выскочил наружу.

Он пропадал около получаса и вернулся с полной пригоршней мелких сыроежек и белых грибов.

– Теперь не пропадем, малышка! – радостно выдохнул мальчишка. – Колосовики пошли!

Паренек подхватил корзинку и снова исчез в дождевых струях.

Вечером они с наслаждением объедались сытной мягкой плотью, набивая животы свежими ароматными грибами. Да, сырыми – но ведь сыроежки потому так и называются, что их можно без опаски кушать прямо там, где нашел. Не пирог, конечно, но и не отравишься.

Через день небо наконец-то прояснилось, и брат с сестрой смогли покинуть свое убежище и вернуться на дорогу. Однако их радость длилась недолго – к концу дня дождь заморосил снова, и дети опять свернули в лес, спеша укрыться, пока снова не промокли. Нашли ель, забрались под лапы – и Боря торопливо разделся.

– Ты чего?! – удивилась девочка.

– Я же не могу оставить свою сестренку голодной! – хмыкнул паренек, забирая корзинку, и опустил на Ирину тяжелую еловую ветку.

Он вернулся в сумерках, с тяжелой корзиной, полной еды. Не самой вкусной, однообразной, но зато сытной. Дети уселись плечом к плечу, поджав ноги, и стали на ощупь выбирать грибы. А затем, завернувшись в тулуп, прижались спинами друг к другу.

– Как хорошо, когда мы вместе, Боря, – прошептала Ира. – Я с тобой везде как дома.

– Ты же моя сестра, – тихо ответил паренек. – Я тебя никогда в обиду не дам!

Погода спутала все планы – путники опять перестали понимать, сколько они прошли и как далеко от Сергиева Посада находятся. К тому же дождь то прекращался, то начинался снова, вынуждая искать укрытие. Лес, как назло, вскоре отступил куда-то вдаль, и вдоль дороги тянулась лишь узкая полоска

орешника, за которой лежали поля и луга. Да еще встречались время от времени деревеньки из двух-трех дворов.

Новым вечером, не зная, куда податься, дети пробрались в один из таких дворов и спрятались в пустующем пока еще овине. Но, вестимо, неудачно – вскоре из дома вышел мужик в длинной полотняной рубахе, прямым ходом направился к овину и заглянул в дверь. Помолчал, глядя голубыми глазами на незваных гостей и задумчиво поглаживая короткую бородку.

– У тебя работы какой-нибудь не найдется, хозяин? – не выдержав этого взгляда, спросил Борис.

Мужик вздохнул, развернулся и ушел.

– Бежим? – тихо спросила Ира.

– Вроде как не погнал... – неуверенно ответил паренек.

Послышались шаги. Хозяин вошел в овин, кинул в корзину большую краюху хлеба, высыпал в нее десяток клубней репы и так же молча ушел.

Дети жадно схватились за еду. После долгого грибного однообразия хлеб и репа показались им самым настоящим лакомством.

– Когда мы вырастем, Боря, то никогда не станем голодать, – неожиданно прошептала Ирина. – Я стану кормить тебя каждый день самыми разными яствами! Рыбой, пирогами, жарким, сладостями, изюмом, медом и курагой. Чем только пожелаешь и сколько захочешь!

– Почему ты меня, а не я тебя? – не понял паренек.

– Я девочка, я вырасту хозяйкой! Я стану готовить и следить за погребами и амбарами.

– Когда ты вырастешь, то станешь чьей-то женой, – вздохнул Борис. – У меня же, мысля, будет другая семья и другой дом.

– Нет, это неправильно! – схватила его за руку сестра. – Мы никогда не расстанемся, мы всегда будем вместе! Ты же обещал!

– Мы останемся рядом, – после небольшой заминки ответил паренек. – И каждый день станем вкусно кушать за общим столом.

– Поклянись! Поклянись, что мы никогда не расстанемся!

– Мы не расстанемся, Иришка, – крепко обнял ее Борис. – Никогда. Клянусь небесами!

С рассветом они снова вышли на дорогу и к середине дня добрались-таки до Сергиева Посада, издалека известившего о себе звонким колокольным перезвоном, невероятной высоты белой колокольной и небесно-синими куполами с золотыми звездами.

Впрочем, красота здешней обители детей особо не интересовала. Увидев на улице благообразную женщину в сине-зеленом цветастом платке и в сарафане с синей вышивкой, несущую тяжелую корзину с кожаными рулонами, Борис повернул к ней, уважительно поклонился:

– Доброго тебе дня, матушка, и хорошей погоды! Не подскажешь усталым путникам, как нам найти дорогу на Александровскую слободу?

– И тебе удачи, отрок. – Женщина, остановившись, опустила корзину, перевела дух. – Тракт до слободы найти несложно. Перед воротами в обитель росох будет, часовня на нем стоит. Прямой путь до Калязина лежит, а правая дорога аккурат к Александровской слободе и выведет.

– Благодарствую за совет, матушка, – поклонился Борис. – А помочь тебе не позволишь?

– Ничего, я сама, – отмахнулась женщина. – У вас, вон, своя корзина больше моей.

– Мне несложно, – не отступил паренек. – Доброму человеку помочь токмо в радость.

– Ты такая статная, матушка, да пригожая, – неожиданно вступила в разговор Ирина. – Тебе явно корзины не по чину носить. Дозволь, брат услужит. И донесет, и разложит. У такой красивой хозяйки, вестимо, и двор нарядный, и дом красивый. Вот бы взглянуть хоть глазком?

– Лиса-а... Ой, лиса! – покачала головой женщина, однако губы ее невольно растянулись в улыбке. – Ладно, будь по-вашему. Неси.

Паренек с готовностью подхватил корзину и поспешил по дороге вперед.

Идти оказалось недалеко – до первого проулка и еще сотню шагов между низкими плетнями. Двор, на который впустила детей хозяйка, оказался небольшим – всего двадцать на двадцать шагов, но чистым и ухоженным, присыпанным от грязи соломой, с ровными лавками у крыльца, с резными наличниками округ затянутых промасленным полотном окон. По левую руку тянулся навес с яслями для скота, справа стоял жердяной сарайчик, сама изба возвышалась на каменной подклети с человека высотой.

– Корзину на лавку поставь, чадо, – указала хозяйка. – И сюда иди.

Она открыла дверь загородки, но Бориса поманила к узкому проходу между домом и навесом. Там обнаружился еще один дворик, за которым начинались огуречные грядки. На утопанной проплешине возле дома валялось изрядное количество уже поколотых березовых дров.

– Муж мой и сын прибраться не успели, в поле ушли, – объяснила женщина. – А погода – сам видишь. Мокнут дрова-то.

– Куда носить? – понял ее пожелание младший из рода Годуновых.

– В загородке поленница уже начата. Туда и таскай, – кивнула хозяйка и ушла в дом, забрав с собой Ирину.

С несложной работой паренек управился всего за полдня – и был щедро вознагражден настоящим горячим обедом со щами, перловой кашей с салом и киселем на третье.

– Ой, вкуснотища-то какая! – наворачивая угощение, постоянно нахваливала еду девочка.

– Золотые руки у тебя, хозяйюшка, – соглашался Борис. – Повезло-то как супругу твоему!

– Повезло, верно сказываешь. Вот вам еще с собой. – Женщина положила им в заплечный мешок капустный кочан и с десяток крупных пузырчатых огурцов. – Вы, вижу, ребята добрые, работающие да неглупые. Друг друга, главное, крепко держитесь, сироты. Тогда не пропадете.

Паренек понял, что их выставляют за дверь. Но обижаться не стал – спасибо, хоть накормили. Может статься, женщине за такую щедрость еще и попадет от мужа-то! Так что на ночлег Борис напрашиваться не стал, заторопился:

– Спасибо за хлеб, за соль, матушка, а нам пора. – Он тщательно облизал ложку, спрятал, встал из-за стола и потянулся за своей корзинкой. Иришка с тяжким вздохом выбралась следом.

– С богом, горемычные мои, – проводив до калитки, хозяйка перекрестила их спины. – Скатертью дорога!

В этот день небеса одарили юных путников еще одной удачей – уже за версту от крайних дворов Сергиева Посада начался густой старый лес, и потому к вечерним сумеркам дети успели найти себе среди зарослей боярышника уютную полянку для ночлега.

Рассвет наконец-то порадовал Бориса и Иру ясным синим небом. Греясь в утренних лучах, брат с сестрой разрезали кочан, с хрустом его сжевали, закусили оставшимися с вечера огурцами. Потом поднялись, выбрались на дорогу, отсыпанную серым песком, и зашагали на восток, жмурясь ярким утренним лучам.

Вскоре позади слышался скрип, а где-то через час их обогнал возок, запряженный двумя лошадьми.

– Доброго тебе пути, мил человек! – окинул взглядом пустую телегу Борис. – Сколько нам отсель до Александровской слободы добираться, не подскажешь?

– Отчего не подсказать, подскажу, – пожал плечами столь же молодой, как и сам Борис, возникший, одетый в чистенькую косоворотку с алым воротом и вышитыми красной нитью рукавами. – Коли пешему не поспешая, так дня за три добредете.

– А на возке? – задорно спросила Ирина.

– Я бы подвез, да токмо мне через версту поворачивать, – ответил парень и тряхнул вожжами, торопя лошадей. – Токмо зря попачкаетесь.

– Три дня... – вздохнул Борис. – Надеюсь, погода больше не переменится.

Три дня – это если идти да идти, вечером укладываясь в травку на обочине и доставая из заплечного мешка сытные припасы. Детям же, чтобы не остаться голодными, у каждого леска приходилось сворачивать и искать грибы, закусывая их кислицей, диким луком и листьями щавеля. И потому у сирот оставшийся путь занял полных восемь дней. Только к полудню девятого они увидели впереди две белокаменные звонницы и темно-красный купол огромного храма.

– Стой! – положил руку на плечо сестре Борис. – Давай спешить не станем.

– Для чего же мы тогда шли в этакую даль?! – возмутилась девочка. – Нешто передумал?

– Я не о том, – покачал головой паренек. – Просто посмотри на нас! Волосы спутанные, сами грязные, одежда вся истрепана, мята да замызгана. Куда нам такими пред дядюшкой представать?! Давай хоть в реке здешней искупаемся, да одежду... Ну, пусть просто выполощем хорошенько. Да и волосы расчешем.

Ирина опустила взгляд на свою юбку, покрытую пятнами и глиняными разводами, тяжело вздохнула:

– Твоя правда, Боря. Надобно как-то прихорошиться.

Сироты опять повернули в лес, давно ставший им чуть ли не родным домом, вышли на поросший осокой топкий заливной луг на берегу здешней ленивой и мелководной речушки, разделись и, забравшись на самую глубину, оба долго оттирали тело перемешанной с песком глиной со дна русла. Потом так же старательно выполоскали одежду, несколько раз растерев глиной, размяв руками, выполоскав и снова растерев. В сумерках развернули на траве, старательно разгладив все складки, сами же укрылись тулупом и закрыли глаза, в этот раз проваливаясь в сон вовсе без всякого ужина.

И вновь погода пошутила над юными путниками – на рассвете на луг выпала столь обильная роса, что не всякий дождь так землю мочит. И потому сиротам пришлось сидеть на берегу еще несколько часов, дожидаясь, пока жаркое летнее солнце не высушит штаны, сарафан и рубаху. Но зато, когда они наконец-то смогли собраться, их одежда пахла не потом и пылью – а свежестью и чистотой. И хотя животы у детей подводило от голода, они все равно пребывали в отличном настроении.

Войдя в город, Ира и Борис, взявшись за руки, решительно направились к большущим трехарочным воротам с надвратной церковью размером с деревенский храм в Годуново. Однако створки всех трех проездов были закрыты, а перед калиткой стояли пятеро стрельцов с бердышами, в длинных зеленых кафтанах и каракулевых шапках с зеленым верхом.

Борис, удерживая сестренку за ладошку, пошел было к калитке, однако стоящий справа стражник опустил бердыш, почти коснувшись стальным полумесяцем груди паренька:

– Куда это ты собрался, бродяжка?

– Мы пришли к боярину Годунову, мы его родственники.

– Идите вон, детки. Чужим в крепость нельзя.

– Мы не чужие! Мы племянники царского постельничего!

– Никого чужого! – повторил стрелец и легонько стукнул бердышом гостю по груди. – Убирайтесь.

- Дяденьки, вы просто позовите Дмитрия Ивановича, он нас узнает.
- Ага, мальчиков на побегушках нашли! – громко хмыкнул воин у самой калитки.
- Хотя бы передайте, что к нему племянники приходили!
- Либо уходите по-доброму, либо получите плетью по заднице, – зевнул остановивший их стрелец. – Или ремнем... Эй, плеть у кого-нибудь с собой есть?

Борис понял: скучающий привратник говорит совершенно серьезно – и предпочел отступить. Повел сестру дальше, поглядывая на свежевыбеленную кирпичную стену.

- Даже не думай, Боря! – мотнула головой девочка. – Коли внутрь полезешь, могут и вовсе в крамолу обвинить!
- Как тогда дядюшку о нашем приезде известить?
- Я так мыслю, нужно у ворот посидеть. Он же должен иногда в город выходить? Тут мы ему и поклонимся!
- Ты его узнаешь, Иришка?
- А-а-а-а... – Девочка растерялась.
- Вот и я его никогда в жизни не видывал, – кивнул паренек. – Как же нам тогда его караулить?
- Но если не караулить, так мы и вовсе никогда никого не найдем!
- Надобно токмо подальше от привратников спрятаться, – после короткой заминки решил Боря. – А то как бы опять не погнали.

По счастью, на триста шагов по сторонам от прямоугольной крепости стрельцы вычистили зону обстрела, убрав все строения, деревья и кустарник. Однако по самому краю этой поляны в нескольких местах то ли вырос, то ли каким-то чудом

уцелел высокий бурьян. В сих зарослях сироты и затаились. Их углядеть от ворот было невозможно, они же видели все как на ладони.

Солнце медленно катилось через зенит, город наполнял летний зной. Детям очень хотелось пить. А еще пуще – кушать. Однако надежда на скорое свидание с дядюшкой придавала брату с сестрой силы, и даже малышка не жаловалась на голод.

Вот только час проходил за часом, стража поменялась, а затем еще раз, – а из Александровской слободы так никто не выходил. То есть вовсе никто.

– Может, дядя опять в Москву отправился? – внезапно предположил Боря, и от этой мысли пареньку стало как-то совсем нехорошо.

– Смотри! – Сестра толкнула его локтем в бок и указала на ворота. Там величаво шествовала невысокая и упитанная женщина в богатых одеждах: кокошник с белыми сверкающими жемчугами, платок шелковый, сарафан бархатный, с бобровой оторочкой, пояс наборный, из янтаря да с самоцветами. В руках – корзинка.

– Да-а, жарко ей, наверное, – посочувствовал Борис.

– Пошли! – Не дожидаясь ответа, Ирина устремилась вперед. – Давай проследим!

Паренек, ничего не понимая, побежал следом, таясь в полусотне шагов от боярыни. Шепотом спросил:

– Почто?

– Авось, свезет, братик, – так же тихо ответила девочка. – Коли с лукошком идет, так ей, вестимо, нечто надобно? Добудет да назад вернется...

Женщина неровной походкой свернула в проулок, вошла в какой-то дом, окруженный тыном из тонких, с руку, жердей. Судя по мясным ароматам, веявшим наружу, это был постоянный двор. От густых запахов у сирот свело судорогой пустые животы. Однако они все равно мужественно прятались в глубине проулка и вскоре были вознаграждены удачей: богатая незнакомка

вышла обратно. Теперь корзинка, накрытая набивным платком, заметно оттягивала ей руку.

– Да! – Ирина сглотнула, хищно устремилась вперед, в паре шагов от женщины низко склонилась и махнула рукой почти по самой земле: – Прими почтение наше и уважение, прекрасная княгиня! Сделай милость, дозвожь нам с братом хоть немного рядом с тобой пройти! Дозволь хоть тени знатности твоей на сирот малых упасть! Коли люди нас рядом со столь великой княгиней увидят, так помыслят верно, что знакомы мы. И нам с того великое облегчение выйдет.

– Дозволь помочь тебе, прекрасная княгиня! – спешно включился в уговоры паренек. – Невместно руки столь нежные тяжестью марать.

– Нам и платы никакой за сию помощь не надобно! – умоляюще сложила руки на груди Ира. – Токмо бы рядом с тобою, княгиня, хоть немного покрасоваться!

– Сие для нас за честь великую выйдет! – поддакнул Боря.

Женщина зарделась, расплылась в горделивой улыбке, и корзинка незаметно, словно сама по себе, перекечевала в руки паренька, булькнув невидимыми под платком жидкостями. И только слабый запах хмельной кислинки намекнул, что «княгиня» бегала на постоялый двор не просто так.

С общего молчаливого согласия женщина вышла на улицу. Поворачивая, ощутило оперлась на плечо паренька. Потом ее качнуло влево – и Ира поспешила схватить обеими ладошками ее руку, помогая удержать равновесие. «Княгиня» хмыкнула, выправила, ускорила шаг и, словно пущенная из лука стрела, по прямой устремилась к белеющим вдалеке воротам.

Сторожащие заветную калитку стрельцы при виде женщины прервали беседу, развернулись, разобрали прислоненные к стене бердыши – однако это «княгину» ничуть не смутило.

– Чё пялитесь, служивые? – громко рявкнула она. – Открывайте!

Стражники с подозрением оглядели странную компанию из знатной царедворки, держащей за руку маленькую крестьянскую девочку, и оборванного мальчишку с

тяжелой корзинкой в руках. Однако особой опасности не увидели. Стукнул засов, скрипнули железные петли – и юные путники наконец-то перешагнули порог неприступной Александровской слободы.

Женщина сразу повернула налево, вдоль стены дошла до длинного каменного дома с двумя рядами забранных слюдой окон, прошла дальше, к небольшой избушке, из которой доносились песни и крики, поднялась на крыльцо. Остановилась. Задумчиво покачалась. Подняла палец:

– Здесь обождите, малышня. Я вам сейчас чего-нибудь вкусенького вынесу.

– Не беспокойся о сем, княгиня. – Борис поставил корзинку на лавку у перил. – Подскажи токмо, как нам боярина Дмитрия Годунова найти?

– На шо вам сие? – вскинула брови женщина.

– Мы его родичи, княгинюшка.

– Вы?! – Женщина посмотрела на Иру, на Бориса. Хмыкнула. Вскинула кулак и громко, пьяно в него заржала. Потом вскинула палец, поманила детей за собой. Снова прошла мимо торца каменного дома и указала вперед: – Туда идите до самого конца. Крыльцо там увидите с резными столбами. По нему поднимайтесь да стучите. Там боярин Годунов с супругою ныне и обитают. Токмо: тсс!!! Я вам сего не сказывала!

– А как зовут супругу Дмитрия Ивановича? – торопливо спросила Ира.

– Агриппина... – Женщину опять качнуло, и она поспешила обратно к шумной избе.

Дети направились вдоль длиннющего, шагов в пятьсот, дома, в полном одиночестве добрались до крыльца у его торца, отряхнулись, поднялись по ступеням, и Борис постучал кулаком в тесовую дверь с большим кованым кольцом вместо ручки. Створка приоткрылась почти сразу, наружу выглянул молодой, лет двадцати, рыжий и веснушчатый парень в белой атласной рубаше и суконных штанах, заправленных в яловые сапоги.

Он посмотрел на странных гостей, почесал нос и лаконично спросил:

– Чего надо?

– Поручение у нас к боярину Дмитрию Ивановичу, – как можно солиднее ответил Борис.

– У ва-ас?! – Тон слуги сразу выдал его недоверие.

– Ты Дмитрию Ивановичу-то поведай, а уж он сам помыслит, важное дело али нет, – посоветовал младший из рода Годуновых.

– Нет его! В отъезде, – с некоторым даже торжеством ответил парень.

– А супруга его, боярыня Агриппина? – тут же спросила Ира.

Слуга подумал, кивнул:

– Здесь обождите... – И затворил створку.

Сироты мялись перед дверью с четверть часа. Однако же та наконец распахнулась, и на пороге возникла высокая и статная хозяйка... В резном из кости кокошнике, поверх которого струилась по русым волосам бледно-розовая прозрачная кисея, в сарафане из алого бархата с парчовыми рукавами и поясом. На тонких перстах сверкали самоцветы, шею обнимало золотое оплечье, в ушах сверкали алые рубины. Карие глаза, черные тонкие брови, длинные ресницы, острый точеный носик, сурово сжатые коралловые губы.

– Господи, до чего же ты красива, боярыня Агриппина! – восхищенно выдохнула Ирина. – Понятно теперича, отчего наш дядя из дома родного сбежал. Это он к тебе стремился, верно?

– Почти... – Лицо хозяйки смягчилось, губы тронула легкая улыбка. – Дети, вы кто?

– Мы дети боярского сына Федора Ивановича, боярыня, младшего брата супруга твоего, – скинул шапку паренек. – Я Борис, а это сестра моя, Ирина.

– А сам Федор Иванович где? – чуть наклонившись вперед, осмотрелась женщина.

Девочка в ответ плотно сжала губы, а Боря, опустив взгляд, размашисто перекрестился.

– Господи, бедные вы мои... – сразу все поняла хозяйка. – Сиротинушки... Да входите же, входите! Вы, нешто, пешие шли? Ноги, верно, не держат совсем! И оголодали с дороги. Пятка, беги к Даше, пусть накроет в девичьей, что там после обеда осталось? И узнай, топили ли нижнюю баню? Вроде как дым над нею днем струился. Давай, бегом!

Девичья комната оказалась совсем небольшой – примерно десять на десять шагов. Но зато – каменной, с расписными стенами, сводчатыми потолками и с большим слюдяным окном. Ковры на полу, обитые сукном скамьи, стол со скатертью, несколько сундуков у стен, узорчатые кованые подсвечники. Все это даже близко не напоминало низкую закопченную избу в далекой усадьбе близ Вязьмы.

Дворовая девка принесла несколько блюд с остатками пирогов – с рыбой, капустой и грибами, тарелки с запеченными в сметане карасями, с копченой белорыбицей и розовыми ломтями соленой семги. В отдельной миске лежали вперемешку курага, инжир и нуга, залитые медом оладьи.

– День сегодня постный, милые, – словно бы извинилась перед гостями хозяйка.

– Это можно кушать? – неуверенно переспросила Ира.

– Да, конечно, конечно, милые, – закивала боярыня Агриппина. – Когда поужинать получится, не ведаю. Супруг в Переславль с рассветом умчался, по ряпушку[3 - Переславская ряпушка – знаменитый деликатес, одно из блюд царского стола. Находится на гербе города Переславль-Залесский.]. Возвернуться и после заката может. Без мужа садиться ужинать неуместно. Так что ешьте, ешьте. Чего терпеть?

Дети охотно откликнулись на приглашение, хорошо приложившись к рыбе и пирогам и сметая из миски все сласти, что в ней имелись. За угощением они и не

заметили, как хозяйка исчезла из светелки, и спохватились, лишь услышав громкий голос за дверью:

– А у меня для тебя неожиданность, любый мой...

Торопливо отодвинув миски, Борис вскочил. Следом поднялась девочка.

Дверь распахнулась, в светелку вошел высокий мужчина с короткой, но окладистой русой бородкой из вьющихся мелким бесом волосков. Бобровая шапка, рубаха из переливчатого синего бархата, пояс с золотыми накладками и самоцветами, два крупных перстня на правой руке, смуглое, обветренное лицо с острым носом и пронзительно-синие глаза. Увидев детей, он удивленно вскинул густые русые брови и перевел взгляд на жену.

– Племянники твои приехали, Дима, – улыбнулась она. – Нешто не узнаешь?

– Пе-ервый ра-аз ви-ижу-у... – протяжно ответил постельничий. – Вы чьи будете, чада, и какая такая напасть принесла вас ко мне на порог?

– Дети Федора Ивановича мы, – посерьезнел от такого приема Борис. – Преставился батюшка наш. Нет больше среднего брата твоего, Дмитрий Иванович.

– Вот как? – вздохнул хозяин и опустился на скамью, сев за стол напротив гостей. – И какие еще в деревне нашей новости?

– Матушка твоя Агриппина, бабка наша, пребывает в полном здравии, – степенно начал рассказывать Борис. – Старший брат твой, Василий, тоже здоров. Токмо бездетен. Не дает ему Господь потомков. Да и мы с сестрой, знамо, не нужны. А так... Земля родит, уловы есть. Вот токмо с охотой ныне совсем плохо.

– С охотой в Годуново токмо у меня одного хорошо получалось, – криво усмехнулся боярин Дмитрий. – Лишь я ей и радовался. Вы, чада, ко мне зачем пришли?

Бориса кинуло в краску. Он сглотнул и хрипло произнес:

– За советом...

– Дима, ты чего? – встревожилась боярыня, обошла стол и встала за детьми.

– Про меня чего братья и матушка сказывали? – полюбопытствовал постельничий.

Боря невразумительно замычал, лихорадочно думая, что ответить. Его сестра оказалась смелее и с детской прямолинейностью выдохнула:

– Ругают много, Дмитрий Иванович.

Боярин поднял взгляд на жену, как бы говоря: «Теперь поняла?»

– Они же дети! – Женщина положила ладони на плечи девочки.

– Да вижу, что не котята, – хмыкнул боярин. Чуть откинулся, крикнул в дверь: – Пятка, где ты там прячешься?! Убирайте со стола, мне объедки не нужны. Кубок принеси да кувшин фряжского!

– Дима? – вопросительно произнесла боярыня.

– Наших-то сыновей в Москве с няньками оставила, – вдруг попрекнул он супругу.

– Куда младенцев-то в место неухоженное везти? – возразила боярыня Агриппина. – Как обживемся, заберу.

Она отпустила сирот, обошла стол, обняла мужа за шею, наклонилась и шепнула в ухо:

– Это я с тобой, как ниточка с иголочкой. Хоть в праздник, хоть в прорубь, хоть в мир, хоть в пламень. Детям-то лишения зачем?

Постельничий взял ее пальцы в ладонь, поцеловал запястье.

Тем временем слуги быстро прибрали со стола, сдернули скатерть, постелили вместо нее свежую. Конопатый Пятка поставил перед хозяином большой золотой кубок, покрытый тонкой арабской чеканкой и украшенный яшмовыми глазками, рядом водрузил серебряный кувшин с покрытыми эмалью, пузатыми боками. Боярин сам наполнил кубок до краев, приподнял:

– Царствие небесное брату моему Федьке... – Мужчина выпил, вздохнул, снова вперил тяжелый взгляд в стоящих перед столом сирот. Долго думал, потом накрыл ладонью руку все еще обнимающей его жены. – Рипа, у тебя в сундуках чего-нибудь по размеру подходящее найдется? Нехорошо, когда племянники постельничего полными оборванцами ходят. Рядом с ними любые холопы – и те князьями кажутся.

– Чего-нибудь подберу, – прошептала жена.

– Ты хоть грамотный, племяш? – поинтересовался у паренька постельничий.

– Знамо, выучен! – встрепенулся Боря. – Каждную субботу в церковь к отцу Ксанфию бегал!

– И то ладно, – снова наполнил кубок Дмитрий Иванович. И вдруг резко мотнул головой: – Жалко Федьку!

21 октября 1564 года

Александровская слобода

Возле северной стены Борис Годунов принимал тюки с кошмой, проверяя сургучную печать на каждом замотанном в рогожу тюке, после чего пропускал возчика в складскую дверь. Вся северная стена крепости, длиной почти в четверть версты, состояла из таких вот каменных кладовых, поверх которых и шел боевой помост с пушками и бойницами. Четверть версты... В такую стену можно было уложить весь урожай всего вяземского уезда – и еще место на будущий год останется! Однако же на здешнем подворье складов все равно не хватало, и потому перед стеной шла еще и чередка высоких бревенчатых

амбаров.

Тюк, печать, отметка в свитке из бересты. Возничий уносил груз, укладывал и брался за следующий. Тюк, печать, отметка в свитке...

Иногда Борис все еще путался в росписях и потому не рисковал записывать приходы и расходы сразу в книгу, предпочитая составлять черновик на бересте. Однако за прошедшие месяцы он набрался уже достаточно опыта, чтобы дядюшка позволял мальчику работать с товаром самостоятельно. Теперь он проверял своего помощника только изредка. У постельничего было слишком много хлопот, ведь государь намеревался приехать в сей отшельнический угол со дня на день, а подготовить забытую почти на тридцать лет крепость к вселению двора боярин Годунов так и не успел. Кошму для обивки стен, вон, только сегодня доставили! Да еще под артелью живописцев рухнули леса, и половина из них переломали руки и ноги. Ушкуи с дровами ухитрились столкнуться и дали течь. Оба! Утонуть, понятно, не утонули – но все поленья колотые отмокли. В некоторых отремонтированных покоях отслоилась штукатурка, после пробной протопки в пиршественной палате внезапно закрипели полы, а часть отопительных воздуховодов оказались засорены. И еще случалось много-много открывающихся тут и там мелочей.

Посему постельничий трудился без прорыва – и помощь юного родича пришлась ему очень кстати.

– Семнадцать целых и два со сломанными печатями, – провел черту Борис.

– Но они целые, боярин! – забеспокоился возничий. – Вот те крест, ничего не трогал. Просто таскали их много с места на место, а печати хрупкие. Это же воск, боярин!

– Да не пугайся ты так! – поморщился паренек. – Раскатаем, посмотрим, измерим. Коли все цело, кошму приму.

– Все цело, боярин! – размашисто перекрестился смерд. – Пальцем не прикоснулся!

– Я верю, – кивнул Боря. – Но тюки мы разматываем и промерим.

Кошма и вправду оказалась целой и невредимой. Спустя час паренек отпустил возничего, сразу перенес записи в книгу, дабы опосля не забыть и не перепутать, но едва собрался вернуться в контору, к нему подбежал и низко поклонился какой-то мужичок. Одет он был дорого и добротнo: зипун со шнурами, шапка рысья, сапоги яловые, но вида явно не служивого – опоясан кушаком, а не ремнем, да и взгляд у незнакомца был какой-то... подобострастный.

– Дозволь обратиться, Борис Федорович?

– Чего желаешь, мил человек? – доброжелательно кивнул ему паренек.

– Купец я калязинский, Борис Федорович, Тимофеем при крещении нарекли, – выпрямился проситель, оказавшись розовощеким круглолицым мужичком с короткой рыжей бородкой, – из рода Красильниковых мы. Люди сказывают, дрова в крепости надобны, а у меня аккурат поленицы заготовлены. Чистая ольха, полешко к полешку, шестьдесят возков. Ты токмо дозволь, и через три дня все здесь будут! Всего за семьдесят копеек отдам. По нынешним временам и не цена вовсе!

– Так поклонись Дмитрию Ивановичу, – посоветовал паренек. – Я так мыслю, возьмет. Дрова и вправду надобны...

Он собрался было идти дальше, но купец обежал и поклонился снова:

– Заступничества прошу, Борис Федорович! Больно знатен постельничий царский, простому купцу и не пробиться. – Тимофей Красильников распрямился. – Знакомцы старые у дядюшки твоего, привычные. С новыми не знается. А мы ничуть не хуже онежских товар поставляем! Сделай милость, походатайствуй... Шестьдесят возков... Мы же за хлопоты, от чистого сердца. Два рубля... Чем богаты...

Проситель вложил пареньку в руку многозначительно звякнувший замшевый кисет. Отступил, поклонился...

У Бориса екнуло в груди.

Два рубля!!! Вот так вот запросто, почти без хлопот!

Два рубля – цена хорошей коровы в торговый день, жалованье боярского сына за восемь месяцев порубежной службы. И этакий куш – ему просто положили в руку!

– Шестьдесят возков... Купец Тимофей Красильников... – вкрадчиво повторил мужичок. – Двадцать пятого октября... Я на постоялом дворе за колодцем придорожным покамест поселился. Там подожду, да?

– Хорошо, жди, – кивнул Боря, и по спине его пробежал колющий холодок.

Идя к конторе, он поразмыслил и решил лишних бесед с дядюшкой не вести. Ведь тот каждый вечер по полста бумаг подписывает. Урядные грамоты составлять Борис уже умел, товар в большинстве тоже сам принимал. Составить, получить, отправить купца к казначею. Дрова есть, деньги плачены – и всем будет хорошо и не хлопотно.

– Два рубля! – вслух пробормотал Борис. – Это же даже саблю новую купить можно!

Тем же вечером паренек принес Дмитрию Ивановичу на подпись очередную стопку бумаг, в самую середину которых и заложил дровяной уговор. Постельничий, почти не глядя, подмахивал расписки, грамоты и накладные, как вдруг замер...

– Красильников, Красильников... Тимофей Красильников... Чегой-то такого не помню... – Постельничий пробежал грамотку внимательнее. – Шестьдесят возков? Это откуда, племяш?

– У нас же нет... – чувствуя, как живот скручивает от страха холодной судорогой, сглотнул Борис. – Тут подвернулось недорого... Я и решил...

– Ай, Боря, Боря, – покачал головой боярин, откидываясь спиной на стену. – Нешто ты меня совсем уже за глупца держишь? Полагаешь, я не ведаю, како в нашей службе все оно делается? Али ты помыслил, пару месяцев при деле покрутившись, что меня, десять лет сему отдавшего, провести сможешь?

– Но я... как лучше хотел... – промямлил паренек.

– Ай, Боря, Боря, – укоризненно причмокнул постельничий. – Что же мне с тобой делать? Пожалуй, вот что... Я не стану тебя спрашивать, что за мзду ты получил по сей урядной грамоте и на какие посулы поддался. Я не стану требовать от тебя отступного или затевать следствие. Я ее просто... подмахну! – Дмитрий Иванович оставил на свитке свою размашистую подпись. – Вот токмо товар по сему договору я стану принимать сам! При сем за каждое сосновое полено, подsunутое вместо ольхового, ты получишь одну плеть. За каждое гнилое полено получишь две плети. А за каждое не доложенное в возок полено получишь три.

Постельничий с некоторой даже нежностью опустил подписанную грамоту Борису в руки и добавил:

– Коли после сего наказания ты выживешь, мой мальчик, то запомнишь раз и навсегда, что за каждую казенную копейку царский приказчик отвечает своею шкурой.

Дмитрий Иванович подмигнул Борису и похлопал паренька по плечу:

– Добро пожаловать на службу, племяш!

11 ноября 1564 года

Александровская слобода

Много ли нужно для счастья маленькой девочке?

Порывшись в сундуках, боярыня Агриппина нашла давно не ношенные рубахи из тонкого атласа. Вместе с сиротой они подрезали подол, подшили край, завернули рукава – и обновки пришлись малышке почти впору. Из оставшихся обрезков и нашедшихся в сундуках кусках разной ткани женщины сотворили сарафан: рукава из синего бархата, плечи шелковые, грудь и спина атласные, юбка кумачовая, пояс из парчи. Истинно княжеский наряд вышел! Все, кто

видел, – издалека кланялись, уважение к явной знатности проявляя.

Спала Ира теперь в девичьей, на сдвинутых лавках, застеленных кафтанами. А когда постельничий уезжал надолго, то и вовсе на перинах, рядом с боярыней Агриппиной, болтая с нею перед сном о всяких глупостях. Кушала вдосталь – и не токмо кашу из сечки с жиром, гречу и кулеш, а и мясо тушеное и жареное, и птиц запеченных, и рыбу соленую да заливную. И сластей всяких – вдосталь. Хоть халву, хоть цукаты, хоть нугу, хоть изюм с курагой! Истинно – даже на небесах такой вкуснотищи не пробовали!

К осени боярыня справила ей сапожки из мягкого войлока и туфельки, да шубку на горностаевом меху. Вернее, из Москвы привезла, когда детей навещала. Перевозить сыновей сюда, на стройку, в пыль и шум, боярыня Агриппина не торопилась.

Горностай – мех не знатный. Однако же вместе с поясом наборным с резными костяными накладками, да платком шелковым на голове, да с сапожками вышитыми – наряд уважение внушал. Платков же и поясов у боярыни имелось изрядно – муж свою Агриппинушку любил и подарками баловал.

Иногда Иришка помогала боярыне разобрать вещи, подобрать одеяния на новый день, перестелить белье или проветрить вещи из сундуков, ходила с нею на торг, но большей частью гуляла по крепости, заглядывая во всякие углы и навещая храмы, гордо шествуя мимо склонившейся в поклонах дворни и почтительно приложивших руку к груди стрельцов, бегала со всех ног по дорожкам из мелкой гальки, огороженным цветочными клумбами, ходила на конюшню угощать скакунов сочными капустными листьями и хлебными корками – и ощущала себя попавшей в рай.

Малышка не обратила особого внимания на толкотню между храмами, случившуюся в один из будних дней, на суету у главных врат, увенчанных трехшатровой церковью. Увидев на любимой дорожке многих незнакомых бояр, она просто решила сегодня не бегать и отправилась домой, к сладостям и забавным лубочным картинкам.

Правда, в этот вечер Ира осталась одна до самого позднего часа. Так долго, что девочка не дождалась боярыню и легла спать сама. Однако утром все случилось как обычно: боярин с супругой поднялись к заутрене, затем вернулись,

неспешно позавтракали за одним столом с племянниками – после чего все старшие вместе ушли, прихватив слуг, и ничего девочке не сказали.

Но и это ничуть не смутило Ирину. Не первый раз хлопоты спозаранку уводили взрослых из дома. Посему девочка набила рот курагой, оделась и отправилась гулять. Сперва к конюшне, которая не в пример прежним временам оказалась переполнена. Затем к колодцу, в медной чаше вокруг которого всегда струилась свежая вода, а потом к большому храму с мощеной дорожкой вокруг. Там девочка развернула ленточку и кинулась бежать, позволяя ткани трепетать во всю длину. В этой игре Ирина воображала себя солнечным лучиком и совершенно не смотрела по сторонам... И потому чуть не врезалась в лупоглазого длинноносого мальчишку в округлой красной шапке и в кафтанчике с каракулем на отворотах.

Ира отпрыгнула, окинула гневным взглядом чужака в своих владениях и громко возмутилась:

– Ты почему мне не кланяешься, несчастный?!

– С чего? – Синие глаза мальчишки округлились еще сильнее.

– Потому что я Годунова! – гордо выкрикнула Ирина. – Я самая в сем городе знатная! И коли ты часом не царевич, то обязан мне в ножки немедленно поклониться!

Малой лет семи на вид расплылся в широкой ухмылке и тоже крикнул, глядя девочке в глаза:

– Нянька, я кто?!

Откуда-то от церковного крыльца появилась большая тетка в собольей шубе и в кокошнике с самоцветами и величаво поведала:

– Ты есть царевич Федор, сын государя нашего, царя Ивана Васильевича.

– Слышала? – вскинул подбородок мальчуган и скомандовал: – На колени!

Иришка ощутила себя так, словно ее с размаху стукнули пыльным мешком по голове. Успевшая привыкнуть ко всеобщему почитанию, она никак не могла принять того, что кто-то вдруг оказался главнее ее. Малышка набрала в грудь как можно больше воздуха... показала царевичу язык – и кинулась наутек.

– Сто-о-ой!!! – за спиной послышался частый топот.

Ира обежала большой храм, повернула к колодцу, метнулась к дому. Топот не отставал – и она резко свернула за угол, юркнула к поленнице, заскочила в проход между высокими рядами дров, повернула еще раз и... Врезалась в спину какого-то холопа, укладывающего поленья. Отскочила, повернула в другой проход – и лоб в лоб столкнулась с царевичем.

Тяжело дыша, Ирина замерла.

– Э-э-э-э!!! – Мальчишка показал ей длинный розовый язык, выдохнул: – Теперь ты догоняй!

И кинулся наутек...

Часть вторая. Ночные колокола

3 февраля 1567 года

Александровская слобода

В лунной зимней ночи снег на дорожках скрипел так, словно каждый шаг ломал целую охапку хвороста. Треск разлетался далеко в стороны, отражался от стен домов и крепостных стен и возвращался обратно, ударяя девочке по ушам. Она несколько раз замирала, уверенная, что поднятый шум разбудит весь город – однако, на диво, на маленькую фигурку не обратила внимания даже стража на стенах и у ворот.

Возле дверей новенькой, еще пахнувшей свежей известкой Распятской церкви отделилась от сугроба на краю дорожки еще одна тень и прошептала:

– Это ты, Иришка?

– А ты кого ждал, царевич? – так же тихо ответила девочка. – Ты ключ достал?

Мальчишка сунул руку за пазуху, вытянул и показал большущий кованый ключ с раздвоенной бородкой. Спросил:

– Не передумала?

Ира мотнула головой.

Скрипя наметенным с вечера снегом, дети поднялись по обновленным ступеням храма. Мальчик открыл дверь, пропустил спутницу, затворил за собой. Оказавшись в полной темноте, помахал руками, наткнулся пальцами на меховую шапку, шепнул:

– Руку мне на плечо положи! Я дорогу помню, сейчас угол нащупаю. Ноги береги, Иришка, тут ступеньки!

Ребята пробрались к лестнице, по ней поднялись наверх и вскорости оказались на нижнем ярусе звонницы. Здесь, в лунном свете, они разделились. Ира полезла выше, мальчик же собрал в руки веревки от самых тяжелых, многопудовых колоколов, нащупал ногой доску, к которой крепились те, что полегче.

– Готова! – крикнула вниз Ирина.

– Ага... – Мальчишка потянул к себе языки больших «набатов», отпустил, снова подтянул, раскачивая, еще раз хорошенько дернул. И когда тяжелые била уже почти коснулись бронзовых стенок, полным своим весом наступил на доску...

Звон всех колоколов грянул разом, раскатываясь по спящей крепости, и к оглушительному басу «набатов» тут же присоединился нежный малиновый перезвон верхнего яруса. Ба-а-ам – дзинь-дзинь-дзинь, ба-а-ам – дзинь-дзинь-

дзинь.

– Бежим!!! – заорал мальчик. – Скорей!

Ира буквально скатилась с верхнего яруса по обледенелым ступенькам, дети ринулись вниз, в темноту лестницы и... потерялись во мраке храма. На поиски дверей пришлось потратить изрядно времени, и когда они выскочили наружу – по ступеням уже поднималось полтора десятка монахов в черных рясах, двое из которых держали в руках длинные острые рогатины, а еще несколько – обнаженные сабли.

– Ах, вот кто тут шkodничает! – грозно рыкнул самый могучий из святых людей и откинул капюшон, открыв лунному свету острое лицо с короткой, в полторы ладони, бородкой, высоким лбом и острым носом.

– Батюшка? – изумился мальчик. – Ты же в отъезде был!

– Да вот вернулся ввечеру! Уж прости, что не поведал, сыночек. Тревожить в поздний час не стал, – с проникновенной язвительностью ответил монах. – Теперича знать буду, чем чадо мое без присмотра балует... Кто там еще в тени твоей прячется? О-о, ну конечно! Опять сиротка шалая отличилась!

– Она тут ни при чем, батюшка! – решительно выпятил грудь мальчуган. – Это я придумал!

– Ты, Федька, завсегда ее покрываешь!

– А ключ ей откуда взять было? – сунул руку за пазуху мальчуган. – Я его в твоей светелке еще третьего дня стащил!

– Нашел чем хвалиться! – покачал головой монах. – Вестимо, плетей тебе для вразумления сильно не хватает. Тебе надобно ума-разума набираться, арифметику и закон божий учить, дела литейные да росмысловые, и чертежи земельные, а не по колокольням во мраке лазить!

– На что мне пустой всячиной разум забивать, батюшка? Ваньке ведь, а не мне, царствовать надлежит! Вот пусть он грамоту ратную да земельную и понимает.

А моя судьба – в уделе Суздальском тихо сидеть. Мне для сего долга много ума не надобно!

– Царевич Федор учится, государь! – высунулась из-за спины приятеля девчонка. – Много и прилежно! Вчерась три часа протопопу Овнию внимали про земли сарацинские, персидские, бухарские и османские да про ремесла султана тамошнего, как он луки собственноручно мастерит. Страсть интересно отче сказывал! И со счетом конторским еще два часа сидели!

– Вон, девка дворовая лучше тебя понимает, чего человеку в жизни надобно! – указал пальцем на Иру монах.

– Она не девка, отец!

– Ты еще скажи, что отрок! – хмыкнул правитель всея Руси. – Ладно, сегодня проведаю у протопопа про достижения твои ученые. А ныне... Ныне, коли всех поднял, заутреню стоять будешь! Я, как игумен обители сей, отслужу, а ты внимать станешь. И ты, шалая, тоже! – повысил голос царь. – Может статься, истинное слово божие вас хоть немного от баловства пустого остудит. И я так мыслю, вместо няnek к тебе караул давно пора приставлять! Взамен завтрака сегодня вам обоим урок слова божия назначаю! А не поумнеете, так и вместо обеда молитвы учить станете. Ну, чего ты замер, чадо? Отворяй дверь пред игуменом!

* * *

Боярыня Агриппина в это утро к завтраку не вышла. Оставшись за столом наедине с дядюшкой, Борис, не забывая черпать ложкой кашу, спросил:

– Дмитрий Иванович, подскажи, сделай милость, как бы мне в разряд записаться? По возрасту мне уж давно пора в новики зачисляться, на службу ратную выходить. Сиречь, в приказе Разрядном как-то отметиться. Вместо меня самого, вестимо, сделать сие некому. Я ведь сирота.

– Записаться мало, племяш, – невозмутимо ответил постельничий. – Надобно еще на смотр выйти. Да не просто так, а одвуконь самое меньше, да в броне добротной, да при оружии исправном. А оно у тебя, Боренька, есть?

Паренек вздохнул и опустил голову.

Два хороших коня – это шесть рублей. Хорошая броня – еще столько же. Да оружие... Меньше пятнадцати рублей не уложиться. По уму же, служилый боярин с холопом должен в походы выходить. Сие еще пятнадцать рублей, да серебро на закуп...

Для царского постельничего ни пятнадцать, ни даже пятьдесят рублей большими деньгами не считались. Однако же никаких намеков он понимать не желал. Не видел Дмитрий Иванович никакого резона даже малую копейку племяннику своему жертвовать. С какой такой стати? Старшие братья к нему любви не питали, и семейный отступник отвечал родственникам тем же самым.

– Ну а коли снаряжения должного у тебя, Бориска, нема, – поднялся постельничий, – то хватит языком трепать, ступай делом заниматься.

Случись нечто подобное года три назад, паренек, вестимо, обиделся бы насмерть, зная бы дядьки такого не захотел и ноги бы его больше в доме сем не было... Но случившееся путешествие хорошо научило юношу тому, что нет на Руси молочных рек с кисельными берегами. Отправляясь в неведомое из уютного, но теплого дома, куда легче найти голод и нищету, нежели славу и достаток. При всей своей суровости дядюшка давал племяннику кров, еду и службу – а Борис уже успел узнать, что любая работа есть дорогой подарок и выполнять порученное дело надобно так, чтобы заменить тебя на иного работника хозяину не хотелось. Младшему Годунову хорошо запомнились давнишние слова мельника о том, что серебро водится у того, кто умеет беречь свою монету да исправно трудиться, на других своих хлопот не перекладывая.

У паренька ныне и вправду уже начало заводиться кое-какое серебро. Лиха беда начало!

– Будет работа, будут и рубли, – буркнул себе под нос сирота. – Сам снаряжение соберу, без чужой помощи.

Он доел кашу, выпил из кувшина остатки киселя – и отправился в контору за расходными книгами.

Для стряпчего Бориса Годунова день начался как обычно. Во первую голову он переписал поленницы, дабы знать расход дров за минувшую ночь, прошел через конюшню, проверяя, хорошо ли задано сено, а то ведь холопы без пригляда половину корма зачастую рассыпали. А иные хитрецы норовили в него солому подмешать, дабы себе охапку-другую для тюфяка утащить.

Впрочем, солома тоже была в хозяйстве великой ценностью. Ее и в хлева на подстилки кидали, дабы скотина не мерзла да чистой оставалась, и перед крыльцом и дверьми клали ноги вытирать, и в дворовые постройки просто на пол бросали, поверх земли утопанной. Сиречь, уходило ее порою чуть ли не больше, нежели сена. И потому запас изрядный в хозяйстве завсегда требовался.

– Борис Федорович! – внезапно услышал паренек. – Боярин Годунов!

Да, теперь все окружающие величали пятнадцатилетнего Боря боярином. Не по титулу – ибо в службе он был покамест никто в звании стряпчего, – но по месту, солидности и влиянию. Небольшое царское жалованье и частые купеческие подношения позволили сироте приодеться в добротный зипун и шапку с куньей оторочкой, в шаровары из дорогого индийского сукна и мягкие войлочные сапоги со скромной вышивкой, – но сделанной тянутой из серебра нитью! Пользуясь полным доверием постельничего, юный приказчик нередко сам решал, каковой поставленный товар принимать, а каковой нет, полон возок сена али с недокладом, хороши дрова али сыроваты. Причем иные соглашения на поставки стряпчий Борис Годунов подписывал сам – и сии урядные грамоты царская казна к оплате принимала!

Как еще можно величать человека, отвечающего за царское золото и серебро, если не по имени и отчеству?!

– Иду! – захлопнув расходную книгу, Боря направился к стрельцу. – Чего надобно?

– Там обоз костромской у ворот, рыбу по уряду осеннему привезли.

– У главных ворот, что ли? – резко остановился паренек. – Вот бестолочи! Вели им слободу объехать и у задних ворот ждать. Я к ним сейчас выйду. Токмо книгу поменяю. Поварские списки по иному раскладу проходят.

Спустя полчаса паренек, как и обещал, вышел к обозу. Поперва через калитку. Приложил ладонь к груди, чуть склонив голову к кучно стоящим боярским детям, удерживающим за уздцы своих коней, прошел мимо двуконных саней, приподнимая рогожи. На розвальнях стояли лубяные короба по десять пудов каждый – это Борис теперича с первого взгляда определял. В одних лежали с горкой караси, в других плотва, в третьих лещи, затем – окуни и уклейка пополам с пескарями. Сверх того имелось несколько щук и пара крупных осетров, больше похожих на заиндевевшие бревна. По всему, наряд был на постный стол для дворни – самая дешевая речная рыбешка.

– У кого урядная грамота? – громко спросил Борис.

– Здесь она! – сунул руку в рукав плечистый рыжебородый боярин лет сорока на вид, однако ростом не превосходящий паренька.

Годунов развернул свиток, пробежал глазами и мысленно похвалил себя за догадливость: договор был на пятьдесят пудов речной рыбы «простой» породы.

– Открывай! – закладывая грамоту в расходную книгу, распорядился в сторону стрельцов Борис. – За воротами направо, и за келейный корпус правьте. Там дорога копытами натоптана, не ошибетесь.

Стража громыхнула засовами, створки поползли в сторону.

– Ну, милостив Карачун оказался, добрались, – скинув шапку, размахисто перекрестился рыжебородый. – Хороший день, боярин, как полагаешь?

– Пока нравится, боярин, – согласился Борис, поскольку обращались к нему. – А что, в пути напасти случались?

– В пургу попали нежданную, – насадил лисий треух обратно на голову старший обоза. – С головой замело, хочешь – верь, хочешь – нет. Аккурат через поля шли. Все вокруг бело, все ровно, насколько глаз хватает. Ни дров, ни сена, ни воды. Куда править – неведомо. Помыслили, все, настал нам карачун полный. Заблудились.

– И как выбрались?

– Наугад пошли. Хоть согреться, покуда силы есть. Опосля Неждан дым заметил. Под него повернули, да вскорости к деревне вышли. Пока отогрелись да лошадей откормили, уж и развиднелось. Неждан, сие брат мой младший. Другой Третьяк именем. Меня же люди Малютой кличут. Из рода Скуратовых мы, которые Бельские.

Двое боярских детей, пропускающих обоз вперед себя, приветственно подняли руки в заячьих меховых рукавицах.

– Меня можно Борисом Федоровичем звать, – спокойно ответил паренек.

Боре не очень нравилось показное радушие и словоохотливость поставщиков товара. Нередко она скрывала недостачу или порчу, от каковой купцы и пытались всячески отвлечь внимание стряпчего.

– Я смотрю, молод ты зело, Борис Федорович, а уже при дворе царском служишь, – подмигнул ему боярский сын Малюта. – Как же тебе так повезло?

– Я не служу. Я помогаю, – проявил скромность паренек и прошел в ворота.

К его удовольствию, никаких недостатков или порчи в привезенной рыбе не нашлось. Помялась в дороге немного, кое-какие тушки поломались – но стоило Боре указать на них пальцем, как рыжебородый боярин тут же бросил на замену отдельно лежащих щук, и стряпчий согласно кивнул:

– Принято! Грамоту я в конторе подпишу. На улице чернила мерзнут.

– За доброту, за хлопоты... – многозначительно стрельнул глазами на осетров Малюта. – Иные приказчики всю душу вынут. А ты, боярин, смотрю, честный. Мзды не вымогаешь. Возьми за просто так, от души.

Подобные подарки Бориса тоже беспокоили, ибо за ними неизменно следовали некие просьбы или посулы, и потому стряпчий достаточно сурово ответил:

– По описи в погреб царский определяю, сейчас укажу, куда выгрузить.

– Как скажешь, боярин, – не стал спорить мужчина.

Теперь внешне все выглядело вполне благопристойно: стряпчий взял дорогую рыбу – рубля на три самое меньшее – не себе, а принял в царское хранилище. А то, что в описи будет указано «дву осетр от Малюты на хранение», кто же из посторонних сие узнает?

– Полный месяц добирались, Борис Федорович, – поспешая за пареньком, посетовал Малюта. – Утомились, намерзлись, запылились. Нам бы баньку принять да хоть несколько деньков отлежаться.

«Вот и всплыли осетры «благодарности», часа не прошло», – усмехнулся про себя Борис и развернулся, вскинул руку:

– Видите навес меж воротами и амбарами? Распрягите лошадей и туда поставьте. Токмо холопов своих определите, дабы за ними присматривали! Воду и сено можете брать невозбранно, я разберусь. Место для отдыха найду, баню устрою.

– Ага... – Рыжебородый показал своим спутникам большие пальцы. Похоже, он решил, что заключил отличную сделку. Пара рыбешек, и без того заложенных на вынужденную мзду, на глазах превращались в несколько дней дармового отдыха при царском дворе.

Борису же сие никаких хлопот не стоило, ибо людские горницы в слободе имелись обширные, народу в них ночевало много. Десятком больше, десятком меньше – никто ничего и не заметит. Точно так же и с банями. Дворни много, мыться нужно всем – топились постоянно. На десяток незнакомых гостей никто и внимания не обратит. С сеном же Годунов разберется, когда недельный расход считать станет.

– Так, может, и ты с нами попаришься, Борис Федорович? – неожиданно предложил Малюта. – Посидим, погреемся. Меда хмельного выпьем, поболтаем. Я угощаю! Дюже интересно, какова она, жизнь царская? Когда еще нас ко двору занесет?! Я вот сам четверть века на службе, ан государя еще ни разу даже глазом не видел. А ты, мыслю, каждый день по сто раз ему кланяешься?

– Не каждый, – покачал головой паренек, уже подходя к келейному корпусу. – Здесь обождите. Сейчас записи внесу и с грамотой вернусь.

Таскаться в баню с незнакомыми боярскими детьми ему ничуть не хотелось, и Борис полагал отговориться делами. Хотя доброжелательные и честные гости ему нравились. И поговорить тоже было бы интересно. Ведь они, в отличие от сироты, были настоящими, бывалыми боярами, много раз ходившими на службу, познавшими настоящую войну. Может статься, даже кровь свою за державу русскую проливали! Не то что он – стряпчий...

В конторе Борис вместо уголька на бересте внес полученный товар чернилами в разрядную книгу, сверил вес и приход, подписал урядную грамоту, спустился на улицу, направился к настороженно сбившимся братьям. Похоже, в своих овчинных тулупах приезжие ощущали себя неловко. Ведь помимо опоясанных саблями монахов вокруг ходили бояре и княгини, все в дорогих мехах и золоте. А тут...

И тут стряпчий увидел несущуюся со всех ног сестру:

– Борька, прячь! – Она врезалась брату в грудь, распахнула зипун, нырнула под него и замерла.

Бегущий следом мальчишка свернул к Малюте, шмыгнул в широкий запах тулупа, сдвинул за своей спиной его полы.

Годунов, обняв сестру, сделал пару шагов вперед, почти вплотную подойдя к братьям Скуратовым. Неждан и Третьяк тоже приблизились, окончательно скрывая детей от посторонних глаз.

– Значит, так, бояре, – нарочито громко поведал Борис. – Сейчас я вас в казенную избу провожу, там вы по грамоте своей серебро получите. Опосля баню покажу. Ныне она, вестимо, топится. Холопы воду носят. Самый жар там к закату будет, так что лучше не спешить...

Позади с громким топотом пронеслись двое мужчин. Кто именно – Борис за спиной не увидел. Чуть позднее величаво прошуршали тяжелые юбки, повеяло ароматом лаванды. Наступила тишина.

Тулуп Малюты зашевелился, на свет появился длинноносый голубоглазый паренек лет десяти в округлой собольей шапке и шубчонке с рысьей подбивкой. Вытянул шею. Потом толкнул зипун:

– Вылазь, Иришка! Они к реке побежали. Айда на северную стену, с горки кататься! – Мальчик полностью выбрался на свободу и хлопнул Малюту ладонью по груди. – Благодарю за службу, боярин! Не забуду!

Девочка тоже вылезла из укрытия, и дети, взявшись за руки, убежали.

– Э-э-э... – вопросительно глядя на Боря, почесал и без того всклокоченную бороду боярин Скуратов.

– Сестренка моя с царевичем опять с уроков сбежали, – объяснил стряпчий Годунов. – Через полчаса-час их поймают и обратно в горницу к учителям отправят.

– С кем?! – внезапно как-то по-птичьему пискнул Малюта.

– С царевичем, – повторил Борис.

– Это я сейчас в своем тулупе царского сына обнимал?! – сглотнул Скуратов и сгреб бороду в пятерню.

– Сына государя нашего Иоанна Васильевича обнимал, – уточнил Боря. – Федора свет Ивановича.

Стряпчий Годунов посмотрел на ошарашенные лица гостей и от всей души расхохотался. И вдруг решил:

– А и ладно! Уговорили, служивые. Пойду я с вами ныне, попарюсь. Почему бы и нет?

* * *

Всю долгую студеную зиму весь снег с дорожек обширной Александровской слободы слуги свозили к угловой башне северной стены, и к февралю высота сугроба сравнялась с высотой самого укрепления. Разве способен был русский человек устоять супротив этакого соблазна? И хотя игумен Александровской обители, он же государь всея Руси, сие греховно-веселое баловство всячески порицал – с образовавшейся горки катались почти все. Монахи-опричники – в подпитии, когда государь пребывал в отъезде. Холопы – ввечеру, когда от службы отпускали, девки и добры молодцы, что схиму не приняли, – на прогулках да под настроение. Дети же – при каждой возможности.

Впрочем, детей в слободе обитало всего двое.

Вот и в этот день, в очередной раз сбежав из-под опеки нянек и воспитателей, Федор с Ириной таскали на горку сплетенные из ивовой лозы санки, падали на них сверху – и с хохотом неслись вниз. Иногда – верхом, иногда – рядом, по накатанному до ледяного блеска насту, упирающемуся далеко внизу аж в стену Распятской церкви, в сотне шагов от подножия ската.

– Догоня-я-й!!! – В очередной раз мальчишка, прыгнув в сани, умчался вниз без подруги. Однако Иришка не смутилась, бухнулась на спину и покатилась следом, задрав над собой полусогнутые ноги.

В итоге к храму они подкатились почти одновременно, вскочили. Мальчик схватился за веревку, потянул санки наверх. Ира нагнала, подтолкнула снизу, а на горке перевалилась через спинку, оказавшись внутри раньше друга. Однако мальчуган исхитрился запрыгнуть на передок, и они с визгом понеслись вниз, остановившись возле трех бояр в тулупах, аккуратно вышедших из-за звонницы.

Скуратовы растерянно замерли. Мальчишка, вскочив, сбил шапку на затылок, поднял голову:

– О, боярин, я тебя знаю! Ты меня намедни от нянек спрятал!

– Почтение наше, царевич, – скинув шапки, низко поклонились раскрасневшемуся потомку государя боярские дети. – Всегда услужить рады.

– А вы тут откуда, служивые? – Мальчуган стрельнул глазами в каждого по очереди.

– Дык... Рыбу ко двору твоему привезли, царевич... – замялся Малюта, непривычный к беседам с царственными особами. – Ото Ржева мы сами. По уряду еще летнему, вот, доставили. Теперича назад собираемся.

– Назад собираетесь? – На губах мальчугана заиграла зловещая усмешка. – А кто я такой, знаете?

– Царевич Федор Иванович, сын государев, – снова поспешили поклониться боярские дети.

– Ныне царевич, а как возмужаю, князем Суздальским стану с прочими уделами и двором своим. – Усыпанный снегом, покрытый ледяными висюльками мальчишка развернул плечи. – И хоть сейчас за службу награждать не могу, однако же память у меня хорошая, и бояр верных я обязательно возвышу и обласкаю!

– Да, царевич... – Малюта, изо всех сил тиская в руках треух, приподнял голову.

– Есть у нас задумка одна... – Федор быстро оглянулся на Иру. – Церквей со звонницами окрест преизрядно стоит, бояре. В слободе да в городе. А колокола молчат али вразнобой позвякивают. Обидно сие. Вот кабы сразу во все вдруг ударить – красота бы какая чарующая вышла! Все бы небо единой песней запело! И так мне услышать сие хочется, просто страсть...

– Нешто кто-то супротив воли такой идет? – удивился боярский сын.

– Отец за баловство задумку сию считает, остальным же и вовсе дела нет, – утер рукавицей нос царевич. – Коли сам не сделаю, никто и не шелохнется. Так как, подсобите?

– Дык, нездешние мы, – почти распрямившись, ответил Малюта. – Не ведаем, с кем потребно о сем договариваться?

– А зачем договариваться? – перешел на шепот царевич. – Ночью надобно на звонницы городские подняться да к заутрене христиан честных разом дружно созвать.

– Как же подняться-то? Без ключей да без разрешения?

– Вы же бояре храбрые! Твердыни и города без разрешения берете! Нешто колокольни мирной вам одолеть не по силам? – прищурился Федор Иванович.

Боярские дети переглянулись.

– Вы же все едино уезжать собрались, – напомнил мальчишка. – Ударите в колокола да и уезжайте! Никто о вас и не проведает.

– Обмыслить бы сие, Федор Иванович... – переглянувшись с братьями, ответил Малюта. – Бо в хитростях здешних мы покамест профаны.

– Подумайте, – согласился царевич. – Но и про память мою хорошую не забывают!

Он схватился за веревку и побежал на горку.

Боярские дети Скуратовы, еще раз поклонившись вослед, поспешили за звонницу, нахлобучили шапки на уже мерзнущие головы.

– Вот же ж занесла нелегкая, – буркнул Неждан. – Теперича коли отказать, запомнит, и коли подсобить... запомнят.

– Еще когда он князем-то самовольным станет! – поддакнул Третьяк. – А по голове за проделку такую сразу настучат.

– Знаю я, с кем посоветоваться можно, – подергал себя за бороду Малюта. – Заодно и извинимся.

– Где же мы его найдем в такой-то громадной крепости? – развел руками Неждан.

– Знамо где, – ответил старший Скуратов. – Приказчики завсегда у складов крутятся.

Малюта оказался прав. В сие время стряпчий Годунов аккурат принимал возки с сеном. Слобода потребляла его по сотне пудов в день, и потому обозы в несколько десятков саней, привозящие разом по полному стогу на каждом, удивления у него не вызывали.

Крестьяне подкатывали, сбрасывали прижимающие груз слуги, отступали. Стряпчий обходил кругом, загоня руку в глубину. Коли холодное – значит, хорошо просушено, не преет. Давал отмашку. Трое слуг споро перебрасывали сено в глубину навеса, пока Борис демонстративно загибал пальцы, после чего стряпчий выплачивал возничему шесть или пять копеек – в зависимости от того, сколько сушеной травы насчитал.

Большинство крестьян привозили груза даже больше, нежели оговаривалось, однако встречались и хитрецы, так что – глаз да глаз!

– Доброго тебе дня, боярин Борис! – издалека поклонились юному приказчику Скуратовы.

– А-а, други верные! Выспались? – весело отозвался стряпчий. – Боюсь, к завтраку вы уже опоздали.

Накануне зазававшие Бориса в баню боярские дети, откушав всего половинку купленного бочонка медовухи, буквально на глазах сомлели и после пары заходов в парилку уткнулись лбами в миски. Годунов, глядя на гостей, черпнул еще ковш ароматной бражки, доел уже разделанного судака, после чего сходил в парную. Когда вернулся, Малюта уже вытянулся на лавке во весь рост, братья откровенно храпели за столом.

Борис еще немного приложился к медовухе и отправился домой.

На том их первое знакомство и закончилось.

– Ты это, боярин... – кашлянул Малюта. – Не серчай за вчерашнее.

– Да я понимаю, бояре. – Стряпчий положил очередные шесть копеек в протянутую ладонь. – После месяца холодов и усталости в тепло попали, да еще и хмель в голову ударил. Тут кто угодно упадет, будь хоть семи пядей во лбу.

– Но мы ведь еще посидим, дружище? – с ходу предложил Малюта. – Второй раз мы такой промашки не дадим!

– Ага... – кивнул Боря уже не столько Малюте, сколько новому возникшему, подкатывающему к навесу. С размаху сунул руки глубоко в сено.

– Тут у нас вопрос такой появился, боярин... – стоя за спиной приказчика, продолжил рыжебородый Скуратов. – Царевич юный, Федор Иванович, безобразия изрядные затевает. И нам настойчиво участие предложил. Что посоветуешь?

– Федор у государя в любимчиках, – пожал плечами стряпчий. – Как-никак, младшенький. Ему шалости всякие постоянно прощаются. Кабы Иоанн Васильевич пожелал, сидел бы царевич как миленький у себя в светлице и днем счет с утра до вечера зубрил, а по ночам премудрые трактаты арабские читал. Ан нет, каждый день на свободе часами гуляет. Вестимо, не сильно и сторожат.

Борис махнул слугам, чтобы разгружали, и отошел к Скуратовым:

– Чего он на сей раз затеял?

– Желает к заутрене неожиданно колоколами ударить.

– Повторяется чего-то Федор Иванович. Так он уже баловал.

– Он желает разом во все колокола всех городских звонниц ударить!

– Это как? Один во все? А-а-а... – не сразу сообразил Боря. – Так вот вы зачем ему нужны! На звонницы забраться и везде в один миг шумнуть!

– Оно самое, – согласно кивнул Малюта.

– Хитро, – согласился стряпчий, расплачиваясь с очередным возникшим.

– Как поступить присоветуешь?

Борис ухмыльнулся и промолчал.

– Ну же, боярин! – не отставал боярский сын.

– Сами смотрите...

– Мы посмотрим, – согласился Малюта. – А ты как, Борис? В баловстве сем участие примешь?

– Разом во все колокола города? – Боря потер кулаком нос, опять ухмыльнулся, ярко представляя замысленное баловство. Повел плечами: – Коли с умом это дело сотворить, ноги можно унести вовремя. Пока люди проснутся, пока сообразят, пока оденутся, пока сбегутся... Раз десять ударить, да и смыться, пока не поймали. Весь город разом! Будет смешно...

– Стало быть, мы согласны?

– Вам хорошо, бояре. Вы побалуете да обратно во Ржев укатите. Вас же никто не знает и опосля не увидит. А я могу и попасться.

– Ты же сказывал, государь не осерчает?

– Ну как... В ссылку не отправит, в монастырь не пострижет... Но вовсе без кары явно не обойдется.

– Зато царевич Федор Иванович доволен останется. Нешто его благосклонность не в счет?

– Ну-у... – прикусил губу Боря.

Он не особенно беспокоился за благосклонность мальчишки, что дружит с его сестрой. Однако... однако жизнь стряпчего – скучна и однообразна. Вот уже почти два года каждый день с самого рассвета: расходные книги, записи, подсчеты, склады-амбары-погреба, урядные грамоты, сложения-вычитания-умножения. И снова – перо, чернила, товары.

Здесь же намечалось хоть какое-то развлечение. Причем не особо опасное.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Косарь – большой хозяйственный нож для грубых работ. Один из двух ножей, обычно постоянно носимых мужчинами. Часто изготавливался из сломанной косы, за что и получил такое прозвище.

2

16 июня.

3

Переславская ряпушка – знаменитый деликатес, одно из блюд царского стола. Находится на гербе города Переславль-Залесский.

Купить: https://tellnovel.com/prozorov_aleksandr/doroga-caric

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)